

STALKER

Дмитрий Лазарев

[ВИРУС ЗОНЫ]
ФАКТОР ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Лазарев

Вирус Зоны. Фактор человечности

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лазарев Д. В.

Вирус Зоны. Фактор человечности / Д. В. Лазарев —
«Издательство АСТ», 2018 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-109498-0

Муромский Объект законсервирован, но в Зону теперь превращен Санкт-Петербург. В решающей битве сходятся Сид, предводитель Измененных, заговорщики, создавшие себе армию «лояльных», мститель-одиночка Михаил Стрельцов и таинственный Посвященный, который пытается трансформировать оказавшийся в его руках питерский Источник. Удастся ли изменить гибельную для всего людского рода программу Сеятелей? Возможно, ответ заключается в факторе, о котором все стороны конфликта успели позабыть, – факторе человечности?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109498-0

© Лазарев Д. В., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог. Джилл и Шатун	6
Глава 1. Козырева	10
Глава 2. Стрельцов	13
Интерлюдия 1. Сид	20
Глава 3. Козырева	23
Глава 4. Шатун	26
Глава 5. Стрельцов	30
Глава 6. Козырева	37
Глава 7. Шатун	41
Интерлюдия 2. Незнакомец в плаще	48
Глава 8. Калашников	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Лазарев
Вирус Зоны. Фактор человечности

© Д. Лазарев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог. Джилл и Шатун

Питерская Зона. 10-й год метеоритного дождя. Три месяца спустя после бомбардировки Коврова

Страх. Джилл успела уже позабыть состояние, которое с ним связано. В ее бизнесе это чувство лучше побыстрее изживать, иначе там делать нечего. Потому как нервный у нее бизнес. Очень. Будешь бояться – обязательно сорвешься где-нибудь, и тогда – пиши пропало. Или свихнешься от постоянных стрессов. Тут требовались люди не просто с уравновешенной, а с непробиваемой нервной системой, и способные при необходимости быстро соображать и мгновенно реагировать. Джилл (по паспорту – Юлия Андреевна Шаповалова) была именно из таких. Потому и достигла в своем деле серьезных высот. Ну и потому еще, что была экспертом самой высокой квалификации. И ценили ее соответственно. Если намечалось дело высочайшей важности и сложности, приглашали ее, так как знали: если уж она не справится, значит, скорее всего дело безнадежно.

Охота за произведениями искусства занимала все время Джилл вот уже пятнадцать лет как. Но на протяжении этих лет ей еще ни разу не было так страшно, хотя случалось всякое. Несколько раз она балансировала на грани ареста, доводилось побывать и под прицелом конкурентов из уголовной среды. В буквальном смысле. Однако и тогда она сохраняла хладнокровие. А вот сейчас боялась. Хотя, на первый взгляд, ничего особенного не происходило.

Джилл просто шла следом за своим спутником по набережной Фонтанки. И ежилась. Но причиной тому был вовсе не пронизывающий декабрьский ветер, вовсе разгулявшийся на бесснежной гранитной набережной. Ей казалось, что здесь, на открытом месте, за ней наблюдают, хотя вокруг не было ни одной живой души. Мутанты тоже не любили холод, а потому в зимнее время Зона становилась несколько менее опасным местом. Это в свое время еще Печора показала. Кровавые сентябрь и октябрь были позади. Питер проиграл свою битву, и теперь здесь царил мертвое спокойствие. Биологическое оружие Зоны где-то ждало своего часа...

Впрочем, Джилл все эти нюансы известны не были в отличие от ее спутника: в Зону она шла впервые. И не пошла бы она сюда никогда в жизни, когда б не безумно крупный заказ на картины из Русского музея, охрану и сигнализацию которого заменила Зона. Та еще замена, если честно. Даже зимой. Даже с опытным проводником. Потому что жить хочется, как ни странно. Но ждать нельзя. В захваченном Зоной Питере, естественно, не работают коммунальные службы. В таких условиях картины могут зиму и не пережить. К весне почти все сокровища Русского музея, Эрмитажа и других собраний Северной столицы просто перестанут представлять хоть какой-нибудь интерес, погубленные холодом и влажностью. Выходит, или сейчас, или никогда. И прихватить надо не только заказанное, но и кое-что еще: проблем с реализацией не будет точно.

По дороге она и ее проводник, вольный сталкер по прозвищу Шатун, встретили не так много мутантов, да и те выглядели довольно вялыми. И еще лишь один раз вдалеке им на глаза попалась человеческая фигура. Почти наверняка это был Измененный, но он их, похоже, не заметил. Пробирались они осторожно и скрытно: после преодоления Периметра завладели бесхозной машиной, доехали до границ павшего мегаполиса, а там уже перемещались где на велосипедах, а где – на своих двоих, не желая шумом мотора в вымершем городе привлекать к себе внимание его новых хозяев.

И удалось ведь – не привлекли! Тогда почему сейчас у Джилл сжимаются внутренности и не уходит тревожное ощущение чужого наблюдающего взгляда? Страх – чувство не всегда конкретное и направленное. С тем страхом, что вызывается явной, видимой и понятной опасностью, Джилл встречалась неоднократно и умела его преодолевать. Но этот был особого рода. Непонятный, иррациональный, он, будто чудище из подвала, вылез из каких-то далеких тайни-

ков ее души, о существовании которых Джилл даже не подозревала. И как она себя ни уговаривала перестать дергаться, тревожное ощущение уходить не желало. Наоборот – только росло.

Джилл догнала сталкера и тронула его за плечо.

– Шатун!

– Что?

– Мне кажется, за нами наблюдают.

– Кажется – креститься надо! – буркнул он недовольно. – Наблюдали бы – мы б уже на своей шкуре почувствовали! Мутанты, знаешь ли, наблюдать не умеют – сразу нападают.

– А Измененные?

– Они с нами, отжившими, тоже не церемонятся. Не просто так это словечко придумали – мечтают зачистить землю от нашего брата. Попадемся им на глаза – считай, покойники!

– А как они нас от себе подобных отличают? Мы ж внешне похожи.

Шатун пожал плечами, не сбавляя шага.

– А хрен их, сволочей, разберет! Печенкой чуют, наверное. Похожи там или не похожи, а только обманывать их у наших никогда не получалось. Разве что издалека.

– Но я же чувствую – кто-то смотрит!

Сталкер хмыкнул.

– Это пси-активность. Блокираторов-то у нас нету. Скоро тебе еще не то померещится! Чем быстрее дело сделаем и свалим, тем лучше. Зимой она, конечно, послабее слегка будет, а только все равно через некоторое время крыша съедет нахрен! Пока еще запас времени есть, но сопли жевать некогда. Так что лучше поменьше болтай, а порезвее шевели батонами!

Джилл послушно замолчала, даже не подумав обижаться на резкость: она Шатуна не для дипломатических переговоров нанимала, а чтобы живой остаться. И если тебе такой человек говорит заткнуться и быстрее идти, так и надо делать.

У цирка они свернули на Инженерную, чтобы хоть как-то укрыться от звереющего на глазах ветра, который, казалось, здесь, в Зоне, тоже ополчился против людей. Насколько Джилл помнила карту, Инженерная вела прямо к искомому музею, однако на первом же перекрестке Шатун свернул направо.

– А если прямо? – рискнула спросить Джилл.

– А если бы он с бубей пошел... – хмуро бросил одну из своих непонятных присказок сталкер. – Ну уж нахрен! Очково мне что-то. И так почти в самом центре шатаемся. Тут и нарваться не вопрос. Зайдем со стороны Михайловского сада – оттуда не так стремно.

Джилл только молча кивнула, признавая однозначный авторитет спутника в вопросах безопасности. Через сад так через сад. Она поспешила за быстро шагающим сталкером, стараясь не обращать внимание на с каждой минутой нарастающий страх, от которого уже понемногу начинало сводить внутренности.

В сад они проникли без проблем – с замком на воротах Шатун справился быстро и сноровисто, демонстрируя соответствующий навык. В самом саду никаких опасностей тоже не встретилось. Но Джилл это не успокоило. Наоборот – балансируя уже на грани почти неконтролируемого ужаса, она с трудом удерживала себя от того, чтобы, забыв о контракте, в панике дать отсюда деру. Что за черт?! Откуда что берется?! Где ее всегдашнее хладнокровие, не раз помогавшее ей выпутываться из самых отвратительных ситуаций? Пси-активность? Но ведь она для всех одна. Так почему по Шатуну ничего не заметно? Неужели она настолько ментально слабее сталкера?

Эта обидная мысль неожиданно помогла ей взять себя в руки. Злость заставила отступить накатывающую панику. Джилл проделала большой путь, заплатила Шатуну очень даже приличные деньги, рисковала жизнью, пробираясь в самое сердце оккупированного Зоной Питера, чтобы сейчас, совсем рядом с целью, из-за какого-то дурацкого страха все испортить?! Да не бывать этому! Профессионал она или беспомощная трусливая неудачница?!

Заднюю дверь Михайловского дворца, где располагалась основная экспозиция, тоже пришлось вскрывать. Видимо, местные сотрудники не *изменились* и уходили сравнительно спокойно, все за собой закрыв. Рассчитывали вернуться? А может, они и часть полотен с собой забрали? Последняя мысль Джилл очень не понравилась. Внезапно возникшее беспокойство, как бы ее добычу не перехватил кто-то другой, в результате чего эта опаснейшая экспедиция может оказаться напрасной, оказалось столь сильным, что на время полностью вытеснило иррациональный страх, до сих пор терзавший охотницу за произведениями искусства.

Внутри музея их роли поменялись. Вернее, слегка изменились акценты. Это была уже территория Джилл. Она тут ориентировалась превосходно. Но за выживание их маленькой команды все же отвечал Шатун. Короткий «Узи» показался из-под куртки сталкера. Здесь он уже не собирался его скрывать. На улице, даже при взгляде издали, вооруженный прохожий обязательно вызвал бы подозрение: Измененные оружия не носили. Внутри же важнее было быстро вскинуть автомат и выстрелить – авось удастся опередить врага.

– Куда теперь? – спросил сталкер.

– По главной лестнице на второй этаж, – быстро ответила Джилл. – Все наши цели там. Пожираемая беспокойством, она первой рванула было вперед, но Шатун ее придержал.

– Не так быстро! Думаешь, тут бояться нечего? А вот хрен – все как раз наоборот! Если хочешь жить, держись за мной, усекла?

Она кивнула, хотя ее так и подмывало возразить. Впрочем, пришедшее на место страха нетерпение тоже было иррациональным. Вряд ли кто-то уведет ее добычу прямо сейчас. Если картины унесли, то уже давно. Теперь в любом случае спешить некуда. Но пока Джилл двигалась следом за осторожно поднимавшимся сталкером, ее начала смущать еще одна мысль. Что-то было не так, неправильно. Конечно, в Зоне критерии нормальности и правильности совсем другие, но даже с учетом этого ситуация казалась странной, в ней присутствовала некоторая нелогичность. И когда Джилл поняла, что именно ее насторожило, то тут же схватила спутника за рукав.

– Опять мерещится?! – почти прошипел он.

– Ты сам-то разве не чувствуешь?

– Наблюдают?

– Да нет же – тут тепло!

Теперь это почувствовал и Шатун. Жарко. Пот на лбу. Сначала он списал все это на нервное напряжение, но теперь организм отчетливо определял – здание не было выстужено. Топят? Да быть того не может! Потому что не может быть никогда!

– Капец, как странно! – произнес Шатун, озираясь по сторонам с нарастающей тревогой.

– Я думала, в Зоне коммунальный коллапс – ничего не работает! – Страх постепенно возвращался к Джилл, но пока еще на паритетных началах с удивлением. – Кому тут могло понадобиться поддерживать работу отопления?

– Ну, например, мне, – прозвучал вдруг сзади глухой незнакомый голос.

Оба незваных посетителя музея резко развернулись и увидели у основания лестницы фигуру в длинном плаще с капюшоном, полностью скрывающим лицо. Шатун вскинул было «Узи», но его руки тут же будто судорогой свело, и автомат брякнулся на мраморный пол. У Джилл тоже имелся пистолет, но она даже не попыталась его извлечь, полностью парализованная ужасом. Вот он, ее страх! Овеществленный, воплотившийся в эту жуткую фигуру. Конечно же, это был Измененный. И не простой. А они проиграли ему, даже не успев толком вступить в схватку. Джилл казалось, что, как только опасность из призрачной станет явной, необходимость действовать изгонит страх. Но так не случилось. Напротив – ужас заполнил ее всю. Казалось, ему даже было тесно в ее теле, и он этакой ядовитой аурой расплзался вокруг.

– Решили приобщиться к прекрасному? – поинтересовался между тем Измененный. – Похвально! Могу даже устроить вам экскурсию. Только сначала мы немного пообщаемся. И, пожалуйста, без глупостей!

Глава 1. Козырева

Москва. Неделю спустя

«Продолжаем наш выпуск новостей. На этой неделе на Периметр Зоны, возникшей на месте Санкт-Петербурга, переброшены дополнительные армейские подразделения. В связи с тем, что протяженность границы Зоны по суше достигает почти 2000 километров, сил, чтобы полностью заблокировать опасную территорию и создать сплошное кольцо оцепления, требуется очень много. Морской участок границы патрулируется военными кораблями, а на суше в Периметре до сих пор остается ряд белых пятен. Командование Северо-Западного военного округа, а также руководство Северо-Западного сектора АПБР выражают уверенность, что эта проблема будет решена в самое ближайшее время. Оптимизм внушает тот факт, что после завершённой несколько дней назад операции по консервации муромского Объекта и разгрома остатков орд мутантов во Владимирской области высвободились довольно значительные силы как армии, так и АПБР. К Периметру Санкт-Петербургской Зоны также подтягивается военная техника, в том числе установки залпового огня и огнеметные системы. Правительство, однако, заверяет, что без крайней необходимости бомбардировок и обстрелов из тяжелого вооружения территории Санкт-Петербурга и его предместий производиться не будет, поскольку там находятся объекты исторического и культурного наследия, значимость которых трудно переоценить.

Следует напомнить, что примерно сорок процентов населения Санкт-Петербурга и окрестностей было эвакуировано в течение двух месяцев боевых действий в городе и окрестностях и превращения их в аномальную Зону. Участь остальных на данный момент доподлинно не известна. Скорее всего часть из них погибла, а другая подверглась физическим и ментальным мутациям. Руководство АПБР заверяет, что принимаются все меры по установлению точного местоположения зонообразующего Объекта в Санкт-Петербурге с целью его последующей консервации.

Далее в нашем выпуске новости спорта и прогноз погоды. А по окончании смотрите специальный проект «Фактор человечности» – журналистское расследование нашего корреспондента Ларисы Козыревой, посвященное ситуации вокруг людей, которые подверглись ментальной мутации, так называемых Измененных. Не переключайтесь!»

Антон Бояринов выключил звук телевизора и воззрился на спокойно сидевшую рядом Ларису, будто видел ее в первый раз.

– Так ты все-таки пробила эту свою безумную идею?! Я думал, что в руководстве вашей телекомпании более адекватные люди!

– А почему такой тон? – откинув назад свои длинные огненно-рыжие волосы, Лариса бросила на Бояринова взгляд, в котором обида соседствовала с упрямством, боевым пылом и готовностью защищаться. – Ты же не видел всего!

– Того, что я видел, более чем достаточно! – поморщился Антон. – Ты же по лезвию ходишь, неужели не ясно?! Вы все ходите. Ну ладно ты, молодая идеалистка, а боссы ваши куда смотрят?! Вас же после этого закроют, к гадалке не ходи! И это как минимум! Такие вещи в эфир пускать просто нельзя!

В противовес распалившемуся и чуть ли не брызгающему слюной Бояринову Лариса держалась совершенно спокойно.

– Почему? – спросила она, не повышая голоса.

– Потому что ты задеваешь слишком много серьезных фигур! И бросаешься заявлениями, которые, на минуточку, подпадают под статью о распространении в обществе панических настроений! Хочешь, обрисую тебе твои ближайшие перспективы?

– Было бы любопытно послушать! – Лариса уже внутренне закипала, но пока еще сохраняла спокойный тон. – Только без истерики, пожалуйста, и покороче, а то скоро начнется!

– Если даже вашу контору не закроют, – почти выплюнул Бояринов, – тебя уволят точно, возможно, даже с волчьим билетом! Это при самом лучшем раскладе. А при худшем могут в тюрьму отправить!

Лариса усмехнулась.

– Ты в своем репертуаре! И это называется «без истерики»? – На язык просились новые ядовитые слова, но девушка предпочла их проглотить, иначе полемика здорово затянется, а из-за криков Антона не будет слышно телевизора. – Надеюсь, с мрачными прогнозами все? Потому что я хочу посмотреть, как моя программа выглядит со стороны.

Антон как-то сразу и вдруг сдулся. И место уставшей ярости в нем заняла глухая тоска.

– Вот почему ты такая упрямая, Лара, а? Почему никого не слушаешь?

Вместо ответа Лариса просто включила громкость на телевизоре.

– Ладно, – сквозь зубы процедил Бояринов. – Как хочешь! Только в следующий раз, если попадешь в передрагу или тебе понадобится поддержка, ко мне можешь не обращаться!

«Да когда ты мне вообще в последний раз помогал?!» – чуть не вырвалось у Ларисы, в которой вновь встрепенулась обида. Но девушка совладала с собой: меньше всего ей сейчас были нужны выяснения отношений. От некогда пылавших между ними чувств давно уже почти ничего не осталось. Видимо, это с самого начала не стоило начинать. И не только из-за разницы в возрасте, хотя то, что Антон на пятнадцать лет старше, все же имело значение. Главное в другом: не было понимания, единомыслия. Сейчас их отношения представляли собой даже не тлеющие угли – это был пепел. Еще чуть теплый, но пепел. Только способности причинять друг другу боль они не утратили. В стадию полного равнодушия ситуация еще не перешла. Иначе не было бы этих ссор и не колола бы порой внезапная обида. С его стороны в последнее время шли только критика и постоянные претензии. Она же включала ядовитого ежа: огрызалась в ответ и колола язвительными выпадами. Видимо, все, пора завязывать.

– Как скажешь, – почти равнодушно отозвалась Лариса на его реплику.

– Хорошо. Раз ты ничего не хочешь воспринимать, пеняй на себя! Я умываю руки. У меня сейчас дела, так что можешь наслаждаться своим безумным эфиром в одиночестве. И знаешь что? Буду тебе очень благодарен, если ты завтра соберешь свои вещи и съедешь.

– Как скажешь, – повторила девушка и добавила громкости.

«Мы живем рядом с ними уже десять лет, а до сих пор практически ничего о них не знаем. Только общие факты: они обладают паранормальными способностями, и они убивают людей. А еще – что их создали Объекты Зон. Люди, подвергшиеся ментальным мутациям. Измененные. Это политкорректные термины, и как и все политкорректное, они бесцветны и обезличены, иначе говоря, стерильны и несут в себе минимум смыслового наполнения. Таким словам хорошо удастся маскировать то, что находится под их оболочкой. А мы решили копнуть поглубже, и нам сразу стали открываться новые стороны взаимоотношений «люди – Измененные». Те стороны, о которых мы даже не догадывались. А многие и сейчас предпочитают ни во что такое не вникать. Например, еще полгода назад мы (это широкие слои населения, а не спецслужбы вроде АПБР и ФСБ) понятия не имели, что такое «Новый мировой порядок». Нет, название, конечно, слышали, только в нашем представлении это была еще одна террористическая организация вроде ИГИЛ или «Аль-Каиды». Но все оказалось куда сложнее и страшнее. То, что НМП – организация Измененных, которых в АПБР называют Новыми, раскрылось совсем недавно и произвело эффект разорвавшейся бомбы. Террористы НМП ведут с человечеством войну на уничтожение. Почему? В чем корни этого противостояния? Давайте попробуем разобраться...»

* * *

«...Никто не будет спорить с тем, что Измененные опасны. Но все ли так однозначно? Быть может, нашим сознанием манипулируют, акцентируя внимание на одной угрозе, чтобы мы не замечали остальных? Что, если нам нужно просто взглянуть на ситуацию шире, чтобы и впрямь не стать «отжившими», как нас называют Измененные? Проанализировать странные факты, которые творятся вокруг, в том числе и вокруг организации, стоящей между нами и так называемой «чужой опасностью». Я говорю, в частности, о недавнем громком убийстве руководителя Московского сектора АПБР полковника Одинцова. Ведется ли расследование, или оно только имитируется? Есть подозрения, и небезосновательные, что АПБР знает, кто убийца, но не торопится обнародовать его имя. Почему? Может быть, этот убийца – не просто террорист НМП, убивающий из ненависти к человечеству, как нам пытаются внушить? Может быть, ему известны кое-какие факты, огласка которых не в интересах этой организации? В таком случае наилучшим выходом для АПБР стала бы его гибель при попытке задержания. А подобную операцию повернуть куда удобнее, если вокруг фигуры убийцы отсутствует шумиха и общественное внимание.

На данный момент нам остро не хватает фактов. Есть непроверенные данные о таинственно исчезнувшем оперативнике АПБР, известном под кодовым именем Стрелец. Возможно, это он. – На экране появилась фотография кареглазого шатена с выдающимся подбородком и орлиным носом. – Исчез он, кстати, сразу после зверского убийства руководителя Урало-Западносибирского сектора АПБР полковника Зарецкого. Есть ли тут связь? Мы пытаемся это выяснить. Наше расследование еще не закончено, и надеюсь, это не последний выпуск нашего спецпроекта. Если у вас есть какая-то информация по этому делу или, например, по поводу Стрельца, свяжитесь с нами по e-mail, который вы сейчас видите на экране. Конфиденциальность своих источников мы гарантируем. Не будьте равнодушными и не позволяйте морочить себе голову! С вами была Лариса Козырева и спецпроект «Фактор человечности». Будьте здоровы и при любых обстоятельствах оставайтесь людьми! Увидимся!»

Мужчина выключил телевизор и едва удержался от того, чтобы шваркнуть пультом о стену. Затем, выдержав паузу, подчеркнуто аккуратно положил его на стол.

– Ссууука! – процедил он с ненавистью.

* * *

Застывший в дверях двухметровый громила старался выглядеть хладнокровным, но получалось у него плохо.

– Мы разберемся с этой тварью, шеф! Вот сегодня же.

– Идиот! – резко бросил тот, усилием воли не разрешив себе сорваться на крик. – Раньше надо было разбираться. До того, как она выплеснула эту дрянь в эфир. Но вы благополучно прохлопали ушами, а теперь поздно. Если с ней хоть что-нибудь случится, мы вовек не отмоемся! Это тебе ясно, надеюсь?

– Да, шеф.

– Мы будем действовать по-другому. Тоньше, аккуратнее.

– Как?

– Не твое дело! Ты так не умеешь. Твоя первоочередная задача – найти Стрельцова. Вот этим и занимайся, а девку оставь тем, кто лучше соображает... Что стоишь? Свободен!

Когда громила скрылся, мужчина взялся за свой смартфон и вызвал контакт из быстрого набора.

– Это я. Хьюстон, у нас проблема...

Глава 2. Стрельцов

Москва

У меня получилось со второй попытки. Вообще-то сам виноват: нельзя против таких противников дважды подряд один и тот же прием использовать, пусть даже однажды частично сработавший. Сверхскорость в сочетании с неуязвимостью к энергетическим и ментальным атакам – штука, конечно, хорошая, но против нее уже однажды нашли контрмеры. И пусть те, кто нашел, мертвы, найдут и снова – не идиоты же, в самом деле, эти предводители армии «лояльных»! И не надо было думать, что безымянная Глушилка была вся из себя такая уникальная и неповторимая. Теперь заговорщики вполне могли поставить на поток создание «лояльных» любого вида. И таких, как она, в том числе. В общем, после первого покушения на Одинцова ноги я унес, хотя и с большим трудом. Они пытались найти меня с помощью поисковиков. Да только со мной такие номера не проходят: поисковые способности Измененных соскальзывают с меня точно так же, как ментальные или, например, замораживающие.

Но через некоторое время пришла мне в голову мысль о другом способе добраться до хорошо защищенного врага. Быстро пришла, как результат того, что мозг мой в последнее время сильнее всего заточен именно на убийство. Переносной холодильник Воскобойникова дождался своей очереди. Снова. Еще одна инъекция чужой крови. Страшно ли было? Кому-то, вроде меня прежнего, Михаила Стрельцова образца даже позапрошлого года, наверное стало бы. В отличие от профессора теоретической базы у меня не было, но ведь даже и он затруднялся сказать, что такое организм сувайвора и какое действие оказывает на него кровь Измененных. По сути, я экспериментировал на себе, причем с максимальной степенью риска, будто смертельные яды испытывал. Но не боялся. Совсем. Какого черта мне бояться? Я практически мертв. Потерял все, кроме жизни. А такая, как сейчас, она недорого стоит. Только хотелось бы сначала дело сделать. Список-то еще приличный. Четыре главара заговорщиков и Сид. Из этого списка потенциальных трупов до сих пор был вычеркнут только один – Нинко. Одинцов, Сивакин, Носкевич, Сердитых и это чудовище, главарь НМП, еще копят воздух.

Одинцов уже коптил. Достал я его все-таки. Потому что не побоялся эксперимента. Кровь Воскобойникова сделала меня иммунным к ударам Новых, кровь сестры дала сверхскорость. А кровь Глушилки? Что может она? Я не знал, когда делал себе инъекцию. Опасался, что не подействует. Она ж «лояльная», то есть вакцинированная. И кровь ее соответственно не должна быть активной. Теоретически. А фактически та гремучая смесь, которую теперь представляет собой моя кровь (шутка ли – Измененная плюс два сувайвора), способна как стенировать, так и нейтрализовать почти любые антитела. Я так думаю.

Как бы там ни было, инъекция сработала. Я хорошо изучил маршрут Одинцова. Все пункты, куда он обычно заходит, где и во сколько обедает, с кем встречается и, главное, кто его охраняет. Впрочем, я догадывался кто. Я видел в Коврове Новых, отражающих ракеты «воздух-земля». Был впечатлен. Возможно, таких крутых ребят среди «лояльных» и нет, но наверняка есть те, что способны поставить силовой экран против пуль. В общем, место и время для покушения я выбрал после тщательной подготовки. Огневую позицию тоже подготовил как следует.

Когда в час «Ч» я вышел на огневую позицию, то был готов практически ко всему. Обычно именно в таких случаях как раз и происходит какая-нибудь подлянка. Но тут, как ни странно, обошлось без нее. Были подготовлены две винтовки. Основная и вспомогательная, установленные на двух огневых точках. Первый выстрел я сделал из вспомогательной. Он был «чистый», без всякой поддержки моими особыми навыками. Только снайпинг. Пуля предсказуемо отлетела от невидимого щита, а я тут же сменил дислокацию. Они заозирались, конечно, в поисках моей огневой позиции, но никто не попытался прикрыть собой Одинцова,

как это делают обычные телохранители. Просто «лояльные» слишком полагались на свои паранормальные умения, в полной уверенности, что их экран не пробить. Может, и так, но я пробивать и не собирался. Я хотел его «отключить». И сделал это. Применил свои способности (в частности, полученные с кровью Глушилки) и попытался воздействовать. Дистанция была великовата, но у меня получилось. Даже не знаю, как я понял, что невидимое поле пропало. Наверное, просто почувствовал. И вот тогда сделал второй выстрел. Чистовой. Аккурат Одинцову между глаз.

Еще минус один. С точки я смылся грамотно – никто меня не засек. Так я думал вчера. Сегодня уже сомневаюсь, потому что меня нашли. И загнали в угол.

* * *

Теперь уже я их чувствовал. Еще один маленький подарок от крови Глушилки. Оно и логично – если можешь глушить определенные цели, должен уметь их распознавать и чувствовать, где они. Для меня эти новые возможности оказались настоящим откровением и пришлось удивительно кстати. К моему скромному обиталищу неподалеку от станции «Аннино» приближались пятеро. Никаких фризеров, пиромантов или псиоников: урок был усвоен, все теперь в курсе, что воздействовать на меня ментально или энергетически не получится. Глушилка – чтобы подавить мою способность к сверхускорению. Два кинетика – чтобы швыряться в меня различными тяжелыми и острыми предметами, раз уж меня самого они швырнуть не могут. Щитовик (так я называл тех, кто умеет ставить экраны от пуль) – это если мне пострелять захочется. А на десерт – сверхшустрый собрат по способностям.

Драчка будет еще та. Как меня нашли, думать не время. Хотя скорее всего я просто недооценил противника. Да, их «лояльные» меня отыскать не могли, но в распоряжении заговорщиков – огромные ресурсы АПБР, а может, и не только. Простая оперативная работа: моя физиономия на ориентировке, кто-то мог увидеть, узнать и позвонить... Да, лоханул я, что и говорить, – лучше прятаться надо, и не только от паранормального поиска, но и от самого обычного. Вполне возможно, меня уже и в федеральный розыск объявили, а я до сих пор ни сном ни духом.

Ладно, об этом после побеспокоимся. Сначала тут выкрутиться надо. А с тем, чтобы выкрутиться, похоже, намечается проблема. Тут не частный дом на природе, а городской район. Квартира на третьем этаже. Подходы не заминируешь и подземным ходом не сбежишь. А в прямой схватке мне, боюсь, придется туго: преимущество не на моей стороне.

Впрочем, один козырь у меня все же есть: раннее обнаружение. Их Глушилка засечет меня уже только в непосредственной близости, потому что ее дистанционное чутье с меня соскальзывает, а вот я ее прекрасно чувствую на расстоянии, как и всех остальных. Выходит, ее надо глушить первой...

Я осторожно выглянул из кухонного окна. Вон они, как раз во двор входят. Великолепная пятерка, мать их! Щитовик предусмотрительно уже держит пулеотражающий экран. План сформировался мгновенно, однако с одной поправкой: пока у меня еще есть запас по времени до того, как меня обнаружат, глушить надо его, но сначала...

Вхожу в сверхскоростной режим, извлекаю свою СВД-С, ловлю щитовика в прицел через кухонное окно... Теперь, уже в обычном режиме, «отключаю» его способность и плавно нажимаю на спуск... С удовлетворением вижу, как пуля попадает прямо в лоб Измененному, и тут же упреждающим ударом гашу уже почти вострепунувшуюся силу Глушилки. Пробую застрелить ее тоже...

Не успеваю: кинетики не спят, и мне прямо в окно летит парочка подарков. Да не просто тяжелых или острых предметов, а самых настоящих гранат! Ни один человек не добросил бы их на такое расстояние, но кинетики могут и круче. В последний момент вхожу в сверхскоростной

режим и пулей вылетаю из комнаты. Звон разбитого стекла и грохот двойного взрыва остаются далеко позади.

На автомате продолжаю блокировать Глушилку «лояльных», прячу винтовку в вещмешок, закидываю его на спину и бросаюсь к выходу из квартиры... Какое интуитивное прозрение заставляет меня, распахивая дверь, на всякий случай дернуться в сторону с уклонением? Именно оно, а не реакция: тут никакая реакция не спасла бы, потому что противник ничуть не уступает мне в скорости. Похоже, он ждал меня за дверью, чтобы ударить ножом. Не вышло.

Дальнейшее со стороны, наверное, напоминает схватку двух теней – не видно ничего, кроме размазанных мелькающих силуэтов. Оба работаем на сверхскорости, и никто из нас не имеет преимуществ. С тем же успехом могли бы не насиловать свой организм экстрарежимом, а драться в обычном. Но тот, кто первый перейдет на него, неизбежно проиграет. К тому же при обычном режиме в бой могут вмешаться два кинетика, чьи жутко медленные шаги я слышу на лестнице. На третий этаж таким темпом они поднимутся минут через десять по нашему, бегущему как лань, времени. За эти десять минут все должно закончиться.

Мой противник, как и я, свое дело знает. Видимо, до *изменения* он был матерым профессионалом, обученным рукопашному бою как с холодным оружием, так и без. Начало схватки равное. Пара неглубоких порезов на руках у каждого – вот и весь результат. Эх, если б я только мог полностью сосредоточиться на поединке! Если б мне не приходилось постоянно давить способности Глушилки! Но стоит мне ее отпустить, как она заглушит меня. И тогда все, финиш. Стрелецкая казнь без шума и помпы, и не на площади при большом скоплении народа, а в подъезде в банальной поножовщине.

Время работает против меня, так что я рискую. Чуть-чуть раскрываюсь. Так, чтобы противник заметил, но ничего не заподозрил. Замечает. Играю я, видимо, натурально, так что «лояльный» принимает все за чистую монету и атакует. Почти удачно: я в последний момент дергаюсь в сторону, и его нож, вместо того чтобы войти мне под ребра по самую рукоять, просто испарывает бок. Глубоко, но не смертельно. Однако порадоваться этому локальному успеху «лояльный» уже не успевает: лезвие его ножа не застревает в теле, а проходит навывлет, так что инерция атакующего движения погашена не полностью, и он чуть проваливается вперед, открывая шею, в которую я и наношу колющий удар. Мгновение – и он падает к моим ногам, хрипя и пуская кровь изо рта.

Этот готов. Но из сверхскоростного режима надо выходить, иначе я кровью тут истеку. Выхожу. Боль в боку сильная, кровь течет неостановимо, и проклятые кинетики, судя по шагам, уже совсем близко... Наверняка у них есть еще гранаты. Перевязать себя я не успею, а для повышенной регенерации времени слишком мало. Плюс к этим проблемам – Глушилка... Держать ее, чего бы мне это ни стоило, иначе последнего преимущества лишусь! Нет, ждать нельзя. Так меня просто прикончат. Атаковать сейчас, пока я хоть на что-то еще способен!

Вновь ускоряюсь и рву что есть сил вниз по лестнице. Навстречу летит граната. Очень медленно летит, небрежно отбиваю ее в сторону. Взорвется она примерно через полминуты по моему ускоренному времени, когда я буду уже далеко от места взрыва. Вот и кинетики – двигаются еле-еле и меня, похоже, не видят. Скорее покончить с ними, пока меня не вырубил повышенная кровопотеря! Подныриваю под руку одного из «лояльных» и всаживаю нож ему в живот, резким диагональным движением наношу длинную резаную рану и выдергиваю оружие. После такого не выживают. Второго бью снизу вверх под кадык. Длинное лезвие пробивает гортань и достает до мозга. Смерть мгновенная.

Брызги крови летят томительно медленно, и меня они не заденут – я уже несколькими ступеньками ниже постепенно оседающих на лестницу трупов «лояльных». И тут меня вырубает. Вернее, для начала вышибает в обычный режим. Рана, кровопотеря, схватка, слабость – все это нарушает мою концентрацию, и я не удерживаю Глушилку под блоком способностей. Зато теперь она удерживает меня. Все, теперь, кроме иммунитета к энерговоздействию, я, по

большому счету, – обычный человек. Причем в очень поганом состоянии. Если у Глушилки есть оружие...

Эта мысль, мягко говоря, не вдохновляет. Спотыкаюсь на ступеньках, и только быстрые семенящие шаги спасают меня от того, чтобы кубарем покатиться по лестничному пролету. Прислоняюсь к стене. Пусть я уже не в сверхскоростном режиме, кровь бежит довольно интенсивно, отнимая силы, и, несмотря на всю мою крутость, я такими темпами вскоре стану трупом. Перевязать... Расстегиваю куртку и пытаюсь оторвать лоскут от рубашки. Не получается – слабость. Делаю вторую попытку, но слышу осторожные шаги по лестнице. Это может быть только Глушилка, больше никому – после взрывов и стрельбы вряд ли кто из жильцов рискнет высунуть нос в подъезд. Судорожно тяну из кармана пистолет, но из-за этого усилия все же теряю равновесие и падаю. Прямо на раненый бок. Аж искры из глаз – так больно! Но не качусь вниз по ступенькам – левой рукой успеваю схватиться за стойку перил.

А падение, оказывается, спасает мне жизнь: негромкий хлопок пистолета с глушителем – и пуля бьет в стену точно в том месте, где я только что стоял. Да, Глушилка вооружена не хуже заправского киллера. И это понятно: когда у тебя нет боевых способностей, приходится полагаться на оружие. Только у меня в правой руке тоже пистолет, и мой выстрел на секунду опережает ее повторный... Стреляет она, к счастью, плохо, и ее пуля лишь задевает мое левое плечо, в то время как моя прошивает ее лицо, попав в скулу.

Она падает. Мертва? Скорее всего, хотя гарантии нет – не в лоб же попал. Но давление, гасящее мои способности, исчезает. Хороший знак в принципе, только сейчас они мне ничем не помогут: к бою я все равно не способен. Надо быстренько сделать перевязку и убраться отсюда.

С трудом встаю, опираясь на перила. Шипеть от боли получается хорошо – не хуже заправской змеи. Делаю шаг вниз по лестнице, второй, третий... Движение скорее чувствую, чем замечаю, но реагирую мгновенно – выстрелом навскидку. На этот раз прямо в лоб, и пистолет со звяканьем вываливается из разжавшихся пальцев теперь уже гарантированно мертвой Глушилки.

Уходить! Но сначала перевязка, а то меня уже ноги не держат. Теперь без экстрима. Черт с ней, с надорванной рубашкой – в рюкзаке есть перевязочный комплект. Неловкими движениями снимаю его со спины и начинаю заниматься самолечением, молясь про себя, чтобы больше никто не появился. Успел. Перевязал. Туговато немного, но это даже лучше – кровь быстрее остановится.

Теперь прочь отсюда, и поскорее! Вполне возможно, что у них на подходе второй эшелон атаки... Вот только со скоростью у меня проблемы: чертова рана в боку идти здорово мешает – чуть пошире шаг, и сразу боль адская всю левую сторону туловища простреливает. А про то, чтобы бежать, можно смело забыть – сдохну на первом же десятке метров. Ковыляю, как намозолившая ногу черепаха. Ладно хоть за собой кровавый след не оставляю: кровь, конечно, еще продолжает течь, но уже не так сильно и остается в повязке. Пока остается. А вот с силами швах – «бензин» мой почти на нуле и может закончиться в любой момент. Тогда свалюсь прямо на улице. А чем это может для меня закончиться, ясно как божий день.

Тут не Екатеринбург, и тайных убежищ у меня не имеется. Куда податься, где пересидеть, оправиться, раны зализать? Номер даже в самой затрапезной гостинице мне не снять: вид у меня наверняка – краше в гроб кладут, а проблемы никому не нужны. На улице в укромном уголке тоже не переночуешь – так как зима на дворе. Хотя мороз-то – одно название. Что-то около минус пяти. Может, все-таки рискнуть? У меня организм модернизированный, и неоднократно. А у Измененных, помнится, стойкость к температурам входит в базовую комплектацию любой разновидности. Стало быть, она и мне должна достаться через кровь. Теоретически.

Так ничего толкового и не придумав, я добрел до арки, соединяющей мой двор с Варшавским шоссе... Интересно, а в кинотеатрах еще есть ночные нон-стопы? Если есть, можно

купить билет, засесть на задний ряд и вырубиться. А за ночь регенерация, глядишь, свое дело сделает... Только сначала надо добраться до стоянки, где я держал свой мотоцикл. Но до нее шкандыбать и шкандыбать еще. Причем народу вокруг полно, неровен час кто-нибудь может вызвать «Скорую» или полицию. Второе вероятнее, особенно если на меня уже есть розыскная ориентировка...

Додумать очередную порцию печальных мыслей я не успел, так как в этот момент как раз вышел из арки, а в нескольких метрах от меня лихо затормозил коричневый «Лендровер». Я инстинктивно отшатнулся и полез в карман за пистолетом, но тут открылась задняя дверца, и оттуда высунулась женщина. Очень мне знакомая.

– Садись быстрее!

– Люда?! Ты как здесь?

– По дороге объясню. Садись же, Миха, время – деньги!

Я колебался несколько секунд. Если за свою кочевую жизнь я и успел завести в АПБР друзей, то это были Шмаковы – Павел и его жена Людмила. И пусть многие мои коллеги, работающие на заговорщиков, теперь на меня охотятся, трудно поверить, что эти двое принадлежат к их числу. А ситуация у меня аховая...

Доковылять до машины и рухнуть рядом с Людмилой на заднее сиденье было делом несколько секунд...

– Здорово, друг! – Обернувшийся с переднего сиденья Павел пожал мою вялую руку. – Паршиво выглядишь.

– Догадываюсь! Может, поедem, а?

– Это можно. Куда вас отвезти, сэр?

– Куда угодно! Лишь бы подальше отсюда и чтобы там можно было поспать.

– Понял.

Больше вопросов Павел задавать не стал, и машина «Лендровера» аккуратно тронулась с места.

* * *

– Куда вы меня везете?

– Куда угодно! – фыркнул с переднего сиденья Павел. – Есть одно место. Там безопасно.

– Вы в курсе, что меня ищут?

– А то! – Людмила даже головой покачала. – Натворил ты дел, Миха! Для начала воскрес из мертвых. Было объявлено, что тебя Новые убили на какой-то заимке у Щучьего озера... А тут – раз, и воскрес, да еще такого шума наделал! Если хотя бы половина того, что про тебя рассказывают, правда...

– Это смотря что рассказывают. Хотя дел я и впрямь натворил... Как вы меня нашли?

– Сам-то не догадываешься? – прищурилась Людмила.

– Первое покушение на Одинцова?

– Бинго! – усмехнулась она. – Умный мальчик: с первой попытки!

– Соображает! – пробасил Павел с водительского сиденья.

– Внутри АПБР в розыск тебя объявили сразу же, – пояснила Людмила. – Мы с Пашей как услышали, сначала просто в осадок выпали: говорю же – успели тебя оплакать и помянуть... А как оправались от шока, сразу взяли отпуск и рванули в Москву.

– После смерти АСа, – добавил Павел, – в нашем секторе полный бардак творится. Почти полтора года прошло, а ничего не меняется. Хорошо еще, в нашей зоне ответственности последнее время тревожных сигналов почти не поступает. Поэтому отпустили нас без разговоров.

– Мы, конечно, сперва не поверили, что ты вдруг с ума сошел и начал охотиться на руководство, – продолжала Людмила. – Но на всякий случай решили понаблюдать за Одинцовым. Подумали, что, кто бы на него ни покушался, попытку свою он повторит. Обстоятельств первого покушения мы не знали. Только сам факт. Зато мы знаем тебя. Твои фишки-козыри все нам известны. То, что ты с СВДшкой вытворяешь, мало кому вообще доступно. Вот и подумали: если это ты, будет снайперский выстрел.

– А так как я в этом деле тоже не совсем чайник, – подхватил Павел, – то стал думать и прикидывать, где бы я сам засел на обычном маршруте Одинцова, если б хотел его грохнуть.

– Ну да, то место было почти безальтернативным, – вынужденно признал я. – Даже странно, что его никто, кроме вас, не контролировал. Видимо, Одинцов сильно полагался на «лояльных»...

– В общем, точку твою мы вычислили, только ты все равно ухитрился мимо нас проскочить... И обратно тоже, после того как Одинцов отправился на тот свет...

Я сдержал усмешку. «Как-то»! Не как-то, а на сверхскорости. Стремительную, словно размытую в воздухе тень очень сложно обнаружить даже внимательному наблюдателю. Особенно в сумерках.

– В общем, тебя мы упустили, зато углядели твой «Кавасаки».

– Откуда узнали, что мой?

– Ну, так я ж не тупей паровоза! – с некоторым даже самодовольством отозвался Павел. – Во-первых, знаю твои вкусы. Во-вторых, стоял он очень грамотно: и незаметно со стороны, и добираться до него удобно, если быстро сваливать придется. Я бы сам так же поставил. В общем, это была смелая догадка, но она оказалась верной. Где, кстати, купил этого зверя?

Я чуть не фыркнул, но вовремя вспомнил про раненый бок.

– Щазз, купил! На какие шиши? Обзавелся им во Владимирской Зоне. На халяву. Там хватает бесхозного транспорта. Точнее, хватало, пока Источник не законсервировали. Сейчас, поди, все растаскивают уже...

– В общем, хоть ты от нас и улизнал, однако номер мы списали, – продолжила рассказ Людмила. – У меня в московском ГАИ связи есть. Короче, отыскали по камерам, где он засветился, и вышли на твою стоянку. Видели в бинокль, как ты его туда ставил. Аккуратно проследили за тобой... до двора, конечно, а то ты бы заметил. Впрочем, для того, кого все ищут, вел ты себя довольно беспечно, – попеняла она.

– Хотели уже нанести тебе визит, но я уговорил Люду немного подождать. И тут появились эти... Боевая бригада «лояльных», мать их! Бригада!

– Кстати, Миха, ты случайно не в курсе, откуда у Одинцова столько этих... паранормов? – Людмила была искренне озадачена. – Мы-то считали, что в каждом секторе «лояльных» от силы десяток. А тут...

– Случайно в курсе, – пробурчал я. – Это одна из главных причин...

– По которой ты решил прищучить Одинцова?

– И не его одного... Почти все руководство АПБР.

Я ожидал чего угодно: напряжения, изумления, агрессии, пистолета в бок или потрясенных вопросов. Но дружный смех стал для меня сюрпризом.

– Узнаю нашего Миху! – отсмеявшись, проговорил Павел. – Ставьте перед собой большие цели: по ним тяжелее промазать! Так, что ли?

– От него дождешься, чтоб промазал! Ни разу такого не видела... – Людмила вдруг поймала мой взгляд и резко посерьезнела. – Ты ведь не шутишь, да?

Я молча покачал головой.

– Расскажешь, почему?

– Расскажу. Только история довольно длинная. Ну а для затравочки... Они приказали убить Кристину, мою племянницу... и АСа тоже.

Нужно отдать должное Павлу, машина при этих словах даже не вильнула. Хотя выматерился он смачно. Людмила же секунд десять в немом шоке смотрела на меня. А потом выдохнула:

– Ох, ёжик! Ты уверен?

– На все сто! И я теперь не останавлиюсь, пока...

Договаривать я не стал: и так все было понятно. Некоторое время мы молчали. А потом Павел, который все это время сидел с наушником в ухе, вдруг резко сбросил скорость и припарковался в ближайшем кармане.

– Ты чего? – удивилась Людмила.

– Ребята, я тут между делом новости слушал – интернет-телевидение «Москва медиа+»... Короче, вы должны это слышать и видеть. – Он выдернул наушники и протянул нам смартфон. На экране что-то говорила молодая и симпатичная рыжая девица. – Погодите, сейчас звук добавлю...

«Есть непроверенные данные о таинственно исчезнувшем оперативнике АПБР, известном под кодовым именем Стрелец. Исчез он, кстати, сразу после зверского убийства руководителя Урало-Западносибирского сектора АПБР полковника Зарецкого. Есть ли тут связь? Мы пытаемся это выяснить. Наше расследование еще не закончено, и надеюсь, это не последний выпуск нашего спецпроекта. Если у вас есть информация по этому делу или, например, по поводу Стрельца, свяжитесь с нами по e-mail, который вы сейчас видите на экране. Конфиденциальность своих источников мы гарантируем. Не будьте равнодушными и не позволяйте морочить себе голову! С вами была Лариса Козырева и спецпроект «Фактор человечности». Будьте здоровы и при любых обстоятельствах оставайтесь людьми! Увидимся!»

– Ни хрена себе! – емко выразился Павел, когда передача закончилась. – Этой девице что, жить насрать? Ее ж грохнут как пить дать!

– Теперь нет, – возразила его жена. – Слишком много народу это слышало. Убийство станет фактически признанием вины.

– Все равно она чокнутая!

– Или все это – хитро расставленная западня, – задумчиво произнес я. – Вот только хотелось бы знать, на кого?

Интерлюдия 1. Сид

Москва

Его не увидел никто. Ни вахтер на входе, ни люди в вестибюле. Коррекция чужого восприятия (а если по-простому – отвод глаз) у него давно уже получалась на автомате, почти не требуя осознанных усилий. Через электронный турникет Сид элементарно перешагнул. Охранник только лениво оглянулся на открывшиеся и закрывшиеся двери одного из лифтов. Мало ли – кто-нибудь вызвал для скорости все лифты и уехал на том, что пришел первым. А все последующие только вхолостую хлопали дверями.

Сид нажал кнопку восемнадцатого этажа, примерно четверть которого занимала телекомпания «Москва медиа+», и лифт поехал. Он оказался суперскоростным, и вскоре кнопка этажа погасла, а двери бесшумно распахнулись, приглашая гостя выйти. Попавшиеся ему по дороге две что-то оживленно обсуждавшие женщины тоже его не увидели, и, чтобы с ними не столкнуться, Сиду пришлось боком проскользнуть вдоль стены... А вот и нужная дверь. Все, пока можно больше не тратить пси-энергию.

Зайдя на территорию, принадлежащую телекомпании, он небрежно повесил на одежду стойку свое пальто и берет. В первых помещениях никого. Сид правильно рассчитал время визита: был перерыв в вещании и к тому же обед. Компания маленькая, так что в офисе осталось не более... Хотя что там «не более». Псионическое чутье подсказало Сиду, что всего один человек – молодая женщина. Что же, его это вполне устраивало.

Гость не спеша проследовал к кабинету директора телекомпании. Женский голос остановил его на самом подходе:

– Добрый день! Вы к Сергею Валерьевичу? Его сейчас нет.

Сид обернулся, натягивая на лицо легкую улыбку:

– Хорошо, я его подожду.

А женщина оказалась не только молода, но и довольно привлекательна – высокая фигуристая брюнетка лет двадцати пяти. Но ответная улыбка ее была дежурно холодной. Что же, и в годы давно ушедшей молодости того человека, которым он был до *изменения*, женщины от его взгляда, мягко говоря, не таяли, а теперь тем более. Впрочем, Сид это нисколько не волновало.

– Вам не повезло: ждать придется долго. – В голосе женщины легким сквознячком промелькнуло сочувствие. – Он будет часа через два...

Ее взгляд оценивающе пробежал по дороговому костюму гостя и выглядывающим из-под рукава пиджака часам класса «люкс». «Омега», конечно, не «Ролекс» и не «Брегет», но тоже вполне себе. Улыбка ее чуть потеплела и сделалась несколько шире.

– А вы по какому делу? Меня зовут Наталья. Я менеджер отдела рекламы. Возможно, смогу вам чем-то помочь?

– Это вряд ли, Наталья. – Сид совершенно не реагировал на изменившийся тон красотки. – Мне нужен господин Мокрушин... Хотя... – Он бросил на нее еще один взгляд, и во взгляде этом засветилась некоторая заинтересованность. – Знаете, у меня появилась идея.

* * *

– Вот вы, Наталья, сейчас, наверное, теряетесь в догадках, что же произошло. – Сид не спеша прохаживался по кабинету директора, в котором, на первый взгляд, никого не было. Затем снял с подоконника большой кактус, поставил его на стол и чуть развернул. – Да, вот так вам будет лучше видно, правда?

Ответа не последовало, но с центрального массивного и колючего тела растения смотрели человеческие глаза. Женские, живые и наполненные ужасом.

– Впрочем, мы не сможем с вами общаться вербально. – Гость медленно двинулся к углу кабинета, где в широкой кадке росла здоровенная пальма. – Но вы можете думать и мысленно задавать мне вопросы. Я вам отвечу... А пока объясню, в чем дело. Это называется молекулярной реструктуризацией. Процедура довольно занятная и сложная. И по силам она далеко не всякому Измененному. Впрочем, не буду скромничать, на данный момент – мне одному. Тут ведь нужно не просто перемешать молекулы человеческого тела с элементами живой природы и материальными объектами органического происхождения (например, деревянной мебелью). Главное – сохранить в целости и функциональной состоятельности то, что поможет вам видеть, слышать, понимать и думать. Это мозг и так, кое-что по мелочи. С вами у меня проблем не возникло, так как экземпляр вы (между нами) проще некуда.

Сид чуть-чуть развернул кадку с пальмой и пробежал пальцами по листьям, среди которых в одном месте обнаружилось зеленое утолщение, по форме напоминающее человеческое ухо.

– Я не слишком сложно изъясняюсь? Подумайте о том, что хотите ответить, а я услышу... Что? Зачем я вообще все это вам рассказываю? Знаете ли, мне скучно. Ваш босс неизвестно где шатается, коллег ваших отталкивает от офиса заряженный страхом пси-барьер, который пропустит только господина Мокрушина, когда он соизволит явиться. Ну а пока почему бы нам не скоротать время за интересной беседой, пусть даже говорить буду я один? Так вот, продолжаю. Вам знакомо понятие «эгрегор»? Впрочем, что это я, разумеется, нет. Если говорить на языке, доступном вашему пониманию, то это нечто вроде совокупности биомассы и коллективного разума живых организмов, обитающих на определенной территории. Если еще проще (для данного случая), то вы, будучи распределенной по объектам живой природы этой комнаты (то есть комнатным растениям), а также креслу, столу, шкафу и другим предметам, сделанным из дерева, некоторым образом и представляете собой такой эгрегор. Вы можете все видеть, слышать и понимать. Только сказать и сделать самостоятельно ничего не можете. Но мыслить – пожалуйста, сколько угодно. То есть я о том, что конкретно вы подразумеваете под этим словом. А я могу вас понимать и даже управлять вами на некотором примитивном уровне. Пока что в большинстве случаев от пси-раба человека гораздо больше пользы, чем от ограниченно разумной комнаты. Но эта ситуация должна измениться, и довольно скоро...

Гость ненадолго замолчал, словно прислушиваясь.

– А-а, вам интересно, за что я с вами это сделал? «За что» – вопрос неправильный. Глупый вопрос. Если бы вы как-то передо мной провинились, я бы вас просто убил. Если б сильно провинились – сделал бы так, чтобы вы умирали долго и мучительно... Что? Так еще хуже? Ну, тут уж ничего не поделаешь, придется терпеть. Так вот, Наталья, «за что» тут ни при чем. Вопрос «зачем» гораздо интереснее и актуальнее. В чем практический смысл всей этой сложной процедуры? Сразу скажу, чтобы вы ничего там себе не воображали насчет какой-то своей исключительности. С вами это произошло потому, что у меня оказалось много свободного времени, а вы были под рукой. Теперь все-таки о практическом смысле. Видите ли, ничто в мире не пропадает бесследно. Когда закрываются так называемые Зоны и консервируются Источники, их энергия, а также накопленная информация поступают ко мне. И я, когда-то бывший просто сильным Измененным, становлюсь чем-то принципиально иным. Существом гораздо более высокого уровня развития. Мои знания и силы растут, их надо осваивать, учиться ими пользоваться. Экспериментировать, пробовать новое, тренироваться, если хотите. Вот на вас я, пока на базовом, примитивном уровне, учусь создавать то, что ваши силовики называют Объектами. Живые предметы, помещения, здания... Это все очень интересно, а потенциально – еще и перспективно. Вы, с вашей сущностью, «размазанной» по этой комнате, – мой первый Объект. Не самый лучший, признаю, но с чего-то же надо начинать. Ваши глаза и уши здесь,

в кабинете господина Мокрушина, могут послужить лишь для выполнения мелких промежуточных задач. Но дело не в этом, а в принципе.

Сид еще прошелся и сел в кресло.

– Скажите еще спасибо, Наталья, что я не сохранил функциональность большинства ваших нервных окончаний и, например, центров боли. Поэтому я вот сейчас, в какой-то степени, сижу на вас, и вы это *воспринимаете*, но не *чувствуете*. Надеюсь, разница вам понятна? Пока что видеть, слышать и понимать – это все, что может свежезародившийся эгрегор в вашем лице. Но постепенно он будет прогрессировать, как и любой другой. Только медленно, естественно, потому что для развития нужна пси-энергия, а сколько ее тут у вас? Слезы одни. Но рано или поздно ваши возможности вырастут. Даже пока не знаю, когда и каким образом – вы ведь первый созданный мною Объект... Что? Как долго все это продлится? В каком смысле? Процесс необратим, Наталья, так что с вашими аппетитными формами можете распрощаться навсегда. Умереть хотите? А вот это зря. Этого делать я не буду. Даже когда вы перестанете быть мне полезной в информационном плане, останетесь ценным объектом для опытов и наблюдения. Кто знает, может, за вами будущее. Я имею в виду, конечно, не вас конкретно, а за подобными вам Объектами. Только более совершенными. Вы представьте...

Гость вдруг замер, будто что-то услышал.

– Жаль, Наталья, но наш с вами разговор придется отложить до другого раза: возвращается ваш босс. Не скучайте тут – смотрите и слушайте. Кстати, скоро эти ваши сохранившиеся органы чувств перестанут быть столь заметны. Надо будет очень приглядываться, чтобы их увидеть. Но на их эффективности это отразиться не должно.

Кактус вновь переключался на подоконник и был установлен глазами в сторону стола. Они были прикрыты зелеными веками так, что оставались лишь узенькие щелочки.

Гость вольготно расположился в директорском кресле и спокойно смотрел на дверь, пока она не открылась. Лицо вошедшего хозяина кабинета отразило целый спектр эмоций – от удивления и гнева до узнавания и страха. В результате краска с него быстро сбежала, оставив бедноватую гамму восковой бледности.

– К-как... з-зачем... вы... – Заикание у него всегда проступало как признак сильнейшего волнения.

– Очень красноречиво, господин Мокрушин, – спокойно произнес гость. – Однако вижу, что вы меня узнали, и это радует.

– А г-где... все? – едва слышно пролепетал директор.

– Полагаю, где-то гуляют, слегка напуганные. Для нашего с вами разговора лишние свидетели ни к чему.

– А... Н-наталья? Она оставалась в офисе... Вы... ч-что-то с ней...

– Беспокойтесь о ней? Ай-ай-ай, господин Мокрушин! Спать со своей подчиненной – это так пошло!

– В-вы ее...

– О нет! Ничего такого. Можно сказать, что она... гм... решила стать поближе к природе. А теперь, если вы не возражаете, я хотел бы перейти к делу.

Глава 3. Козырева

Москва

Вещей у Ларисы было немного, так что сборы получились недолгими. Переезжать в доставшуюся от тетки однушку в Южном Чертаново не очень-то хотелось: помимо всего прочего дорога до работы станет в разы длиннее. Но лучше уж так, чем как сейчас. Антон в последнее время стал совершенно невыносим. Привычка нудить и стонать по всякому поводу или даже без раздражала невероятно. Пессимизм как жизненная философия и критиканство как стиль общения. По его мнению, Лариса все делала не так, а редкие исключения Бояринов приписывал своему облагораживающему влиянию.

Поэтому одиночество Ларису не пугало совершенно. Скорее, напротив – казалось желанным. После разговоров вроде того, что состоялся сегодня, поневоле захочешь одинокого вечера с книжкой или у телевизора – лишь бы не слышать занудных нотаций.

Все эти мысли крутились в голове Ларисы, пока она упихивала свои немногочисленные пожитки в спортивную сумку, и уже потом, когда ехала в метро к своему новому-старому месту жительства. Но крутилось там и еще что-то. Еще более неприятное. А именно – странное сомнение, что слишком легко прошла в эфир ее программа, по большому счету, и впрямь отдающая крамолой и бросающая серьезные обвинения в адрес организации, с которой мало кто в стране рискует связываться. В тот момент, когда директор дал санкцию на эфир, Козырева была на седьмом небе от счастья и не подумала об этом. А стоило бы. С чего вдруг Мокрушин таким смелым сделался? Прикрывает его кто, что ли? Какая-то мощная фигура, позволяющая не бояться даже АПБР? Но кто бы это мог быть? Список возможных кандидатур был весьма коротким, но каждое имя в нем вызывало у Ларисы легкую вибрацию в животе и волну озноба по спине.

Если кто-то из *этих* и впрямь начал войну против АПБР, а в качестве пушечного мяса использует телекомпанию «Москва медиа+», дело действительно скоро может запахнуть керосином. В разборках таких тяжеловесов простые смертные порой гибнут пачками. А если и не гибнут, то жизни их летят под откос. Стоила ли ее программа такого риска? Скорее, все-таки да, чем нет. Подумать только – она, Лариса Козырева, молодая журналистка заштатной телекомпании, впервые ведет крупное и очень громкое дело федерального значения! Шанс, которого сотни тысяч ее коллег по всей стране ждут долгие годы и не могут дождаться.

И все же... Когда Лариса шла от метро «Улица Академика Янгеля» до своей квартиры (четыре квартала примерно), эта дорога показалась ей длиннее, чем есть, как минимум вдвое. Не раз и не два по пути она украдкой оглядывалась, чтобы проверить, не следят ли за ней, хотя и понимала, что это глупо. В АПБР работают профи, и не ей, простой журналистке, еще и не очень опытной к тому же, засечь их слежку. Так что оглядывайся, не оглядывайся – когда решат взять, возьмут без проблем, и ты до последнего момента ничего не почувствуешь.

С другой стороны, вряд ли они станут убивать ее сейчас, сразу после передачи: поздно уже, да и на них же все пальцем и покажут. Вдобавок у таких организаций есть гораздо более эффективные и менее чреватые общественной шумихой методы воздействия: шантаж, угрозы, судебные иски, способные разорить куда более крупные и мощные телекомпании, чем «Москва медиа+». И все это в основном будет направлено на Мокрушина и на владельца телекомпании, а не на нее...

Только все эти успокаивающие мысли работали плохо, и когда за Ларисой закрылась наконец дверь ее квартиры, она с облегчением вздохнула. В глубине души она понимала, что все это чистое самовнушение. Эффект плацебо. Противники у нее такие, которым дверь ее квартиры – тьфу, пустое место! Захотят, так где хочешь достанут...

Смятение и паника накатили внезапно, волной. Лариса вдруг поняла, что не помнит, как и в какой момент решила ввязаться в эту авантюру – крестовый поход против спецслужб, чиновников властных структур, Измененных... С чего вдруг? Ей что, больше всех надо?! Она что, самая честная, принципиальная журналистка в стране? Правдоискательница? Откуда она вообще взяла изначальную информацию? Тот импульс, что подтолкнул ее на тропу войны? Кто поставлял ей сведения потом? С каждым новым знаком вопроса паника все нарастала. Во всем этом было что-то неправильное и жуткое. И пугало оно даже больше, чем возможные контрмеры АПБР – структуры, способной раздавить зарвавшуюся репортершу одним пальцем.

И вдруг все кончилось. Волнение улеглось столь же внезапно, как и поднялось. С чего она вообще распахивалась? Все имейлы с информацией, имена «вольных сталкеров», с которыми ей удалось поговорить, сообщения от анонимных источников в АПБР и ФСБ – все это на запароленной флэшке, которая лежит в банковской ячейке, арендованной на чужое имя. Если надо, можно пойти и проверить. Но ей не надо. Она и так все помнит. Не надо лишний раз рисковать. Основания у нее были, и чертовски веские. Получив информацию такой убойной силы, ни одна уважающая себя журналистка отступить просто не может. Вот оно все, на поверхности! Как вообще можно было об этом забыть хотя бы на минуту?!

«М-да, совсем плохая стала! – пробормотала про себя Лариса с грустной усмешкой. – Лечиться надо! Кстати, что у нас там насчет полечиться?» Кварту на сей предмет осматривать было бесполезно: бывала она тут нерегулярно и подобных средств срочной реабилитации, вестимо, не держала: они в других местах нужнее. Зато в сумке у Ларисы, заботливо укутанная одеждой, пряталась початая бутылка «Джемисона», которую Лариса на прощание прихватила у Антона. В конце концов, крови у нее Бояринов последнее время выпил немало, и право на некоторую компенсацию она имела.

Выудив из покрытого многомесячным слоем пыли почти пустого кухонного гарнитура кружку с чуть обколотым краем, Лариса, наскоро ее сполоснув, налила туда виски. Налила щедро, не чинясь, на три пальца, если не больше: ей нужно было расслабиться. Просто необходимо. Ударная доза алкоголя ухнула в желудок миниатюрным огненным шаром, взорвалась там и расплылась по организму волной умиротворяющего тепла. Нервическая улыбка на лице Ларисы сделалась чуть ли не блаженной. Она почти упала на стул, откинулась на спинку и прикрыла глаза. «Вот так! И шли бы вы все лесом! Сожрать меня хотите? А хренушки – подавитесь!»

Однако терапевтический эффект «Джемисона» следовало закрепить. Лариса потянулась за бутылкой, но рука ее остановилась на полпути, буквально замерев в воздухе. Что-то было не так. На лестнице, прямо за ее дверью. Лариса даже не чувствовала это, а прямо знала. Откуда? Неизвестно. Факт в том, что ей прямо сейчас необходимо встать и проверить. Открыть дверь и посмотреть. Иначе будет поздно. Лень, нега и спокойствие мигом слетели с Ларисы, словно пух с одуванчика под порывом ветра. Не хочется? А надо! Скорее поставь свою чертову кружку на стол и беги к двери, иначе... Иначе что? Случится страшное, вот что! Что страшное? Сдохнешь, кретинка! Так достаточно страшно?

Ларисе хватило. Будь кружка менее массивной, от силы, с которой ее приложили доннышом об стол, она могла бы и расколоться. К входной двери девушка чуть ли не бежала. Дрожащими руками повернула ручку защелки и распахнула дверь...

Стоящий там мужчина был ей совсем не знаком. Среднего роста, чуть полноватый метросексуал лет тридцати пяти с волосами до плеч и жидкой полоской усов, он вызывал у Ларисы даже какое-то ощущение легкой гадливости, и в то же время внутри все сжималось от самого настоящего страха, для которого, казалось, не было никаких причин. Незнакомец рассматривал ее, словно картину в музее, и молчал.

– Кто вы?

И куда только девался звучный поставленный голос Ларисы, благодаря которому в том числе она могла вскоре рассчитывать на место ведущей вечерних новостей? Сейчас ее вопрос прозвучал хриплым испуганным карканьем.

– Не важно. – Длинноволосый наконец закончил осмотр и взглянул ей в глаза, от чего у Ларисы душа окончательно ушла в пятки. – Давай пройдем в гостиную – разговор будет долгим.

Наглость этого неприятного типа была просто запредельной, и Лариса уже совсем собралась ему об этом сообщить, а то и просто захлопнуть перед его носом дверь, но вместо этого молча посторонилась, пропуская его внутрь, и покорно двинулась в гостиную, даже не оборачиваясь – знала, что он идет следом. Воля ее будто в одно мгновение растворилась в его бледно-серых водянистых глазах. Инстинкт самосохранения что-то панически вопил где-то внутри, но Лариса его почему-то игнорировала. Она понимала, что перед ней – Измененный-псионик и что он подчинил себе ее разум, но ей было все равно. Главное – его воля и его приказы, которые ей нужно выполнять, а все остальное не имеет значения. И мысль о том, что во всем этом присутствует нечто противоестественное, мелькала лишь слабой призрачной тенью на периферии сознания...

Лариса и сама не поняла, в какой момент эта ситуация изменилась. Два негромких хлопка за спиной – и разум ее внезапно обрел свободу. Обволакивающая мозг, давящая, гасящая все мысли и эмоции пелена чужого разума рассеялась, и с новой силой нахлынули ужас и паника. Но сейчас Лариса уже приветствовала их как здоровые симптомы.

Она развернулась так резко, что едва не упала, и схватилась за стену, пытаясь удержаться на ногах. Увиденное ошеломило ее. Длинноволосый метросексуал лежал ничком, а из шеи его торчали два дротика вроде тех, которыми крупных животных усыпляют. Девушка перевела взгляд на дверь и обнаружила там еще одного незнакомца – среднего роста, коренастого кареглазого шатена с выдающимся подбородком. Лицо его отчего-то казалось Ларисе знакомым... В руках он держал транквилизаторный пистолет, который подчеркнуто направлял в пол, демонстрируя мирные намерения.

– Вы... кто? – выдавила Лариса, обретя наконец дар речи. Вопрос дня, однако!

– Тот, кого вы искали, – произнес он негромко. – Стрелец.

Глава 4. Шатун

Питерская Зона

«Нормальные герои всегда идут в обход». Эту фразу, услышанную давным-давно, в детстве, в одном из старых фильмов, Шатун мог бы в качестве девиза написать на своем рыцарском щите, если бы таковой у него имелся. Сделав своей профессией выживание на самых опасных территориях, поневоле учишься осторожности и перестаешь считать перестраховку злом... или погибаешь. А тот факт, что за восемь лет сталкерского стажа Шатун не только остался в живых, но даже ни разу не получил хоть сколько-нибудь серьезного ранения, неопровержимо доказывал справедливость этого принципа.

Для второго за неделю визита в Питерскую Зону Шатуну пришлось заложить немалый крюк, поскольку план «новая блокада» выполнялся армейскими подразделениями на удивление ретиво, и дыр в Периметре с каждым днем оставалось все меньше. Причем большинство из них находились на северной границе Зоны. Да, армия тоже копила опыт, училась противодействовать чужой угрозе и танцев на граблях не устраивала. Поэтому для тех, у кого после событий во Владимире еще доставало дерзости и отваги соваться на территорию, контролируемую чужим разумом, возникало множество препятствий.

Сделав лишние триста километров на своей машине и оставив ее в лесах в окрестностях Рощино, первый этап своего квеста Шатун преодолел. Впрочем, сталкер нимало сим фактом не обольщался, понимая, что дальше все пойдет только по нарастающей. С Зоной зачастую работал еще один известный принцип: вход – копейка, выход – рубль. До сих пор Шатуну всегда удавалось «расплачиваться». Как-то будет в этот раз?

Дело в том, что он нарушил одно из главных правил своего неофициального сообщества: без крайней необходимости в одиночку в Зону не соваться. И для этого у него была чертовски серьезная причина: никто из сталкеров не поддержал бы поход, не сулящий прямой и желанной крупной материальной выгоды. Этот был именно таким. Ни клиента, ни предоплаты. А в качестве причины – лишь несколько гипертрофированный кодекс чести, которого придерживался Шатун. Одно из положений этого кодекса гласило: после получения предоплаты ты отвечаешь за клиента. Его выживание становится твоим главным приоритетом. И случись что, вытащить его ты будешь пытаться до последнего.

Предоплата от предыдущего клиента – охотницы за произведениями искусства Джилл – была получена, и немалая. А результат... Вот тут-то и была зарыта собака, поскольку Шатун не помнил, чтобы он вывел ее на «чистую» сторону Периметра живой, равно как не помнил и факта ее гибели. А если уж совсем начистоту, в его мозгу будто кто-то основательно порезвился с ластиком: в воспоминаниях об этом походе зияли здоровенные пробелы. Последним, что сохранилось в памяти Шатуна о предыдущей своей экспедиции в Питерскую Зону, были лошади Аничкова моста. А дальше – сплошное белое пятно. С ним и Джилл что-то случилось? Вполне возможно: они находились в самом центре Зоны, а это не воскресный променад в соседнем парке. Только вот закавыка – он-то живой, а где клиентка?

Была, была спасительная лазейка: счесть, что белое пятно скрывает в себе гибель клиентки или ее *изменение*, и просто забыть обо всем, что еще не стерто из памяти об этом походе. Но Шатун так не мог. Что-то внутри не давало ему покоя, какая-то странная пульсация раздражала мозг, не позволяя спокойно спать, пока он не узнает о судьбе клиентки. Если станет ясно, что с ней случилось нечто необратимое, он сможет это как-то пережить, перевернуть страницу. Да, гибель клиента – это плохо. Да, это темное пятно на его сталкерской репутации, но это хотя бы ясность. И тогда хоть не будет сверлить мозг мысль о том, что Джилл осталась где-то там, живая и нормальная, а он ее просто бросил.

Для Шатуна это было слишком. Внешняя грубость его натуры представляла собой правдоподобную маску, создавая временами образ бессердечного циника, вовсе даже не соответствующий действительности. За столько лет Шатун так и не научился договариваться со своей совестью. Он был из тех белых ворон сталкерского сообщества, которые принципиально не связывались с кровью Измененных и остались верны изначальным положениям кодекса, сколь бы странным это кому-то ни казалось. Впрочем, Шатуну всегда было безразлично чужое мнение. Главное – не стать противным самому себе. А вот для этого, с его-то щепетильностью, приходилось стараться изо всех сил!

В город он въехал по Выборгскому шоссе. На угнанном «Форде». В принципе бывали случаи, когда Измененные пользовались автотранспортом даже в Зонах. Не «лояльные», а именно Новые. Правда, немногие и нечасто. Среди сталкеров ходили слухи, что у них просто был приказ «сверху» – не привыкать. Дескать, когда «наши» победят, никаких машин не останется, а все будут путешествовать исключительно через пространственные аномалии. Насколько близок к истине был этот сталкерский треп, Шатун не знал, но факт оставался фактом – иногда Новых на машинах видели. А это значит, появление в Зоне за рулем автомобиля не обязательно демаскировало тебя как человека. Но нежелательное внимание привлечь могло.

Однако Шатун все же пошел на этот риск. Потому что в противном случае пришлось бы тащиться на своих двоих не один десяток километров. Огромная потеря времени и сил. К тому же в прошлый раз, когда он пришел в Питер вместе с Джилл, им как-то повезло не встретить ни одного Измененного. По крайней мере за то время, которое сохранилось в его памяти. А ведь они были почти в самом центре города! Теперь же он от центра намного дальше. Почему бы тому везению не повториться и сегодня? Просто не надо слишком уж искушать судьбу и лезть на рожон. Поэтому Шатун намеревался оставить машину, когда приблизится к центру города на опасное расстояние...

Мысль о метро сталкер отменил сразу же. Начать с того, что там сейчас тьма кромешная, и у него никаких батареек в фонарях не хватит, чтобы топать по тоннелям несколько десятков километров. Придется делать факелы из подручных материалов и волочить весь этот груз с собой. Но это еще полбеды. Вряд ли контролирующие город Новые не додумались до того, что тоннели метро можно использовать для проникновения в любые районы города. Их могли обвалить, взорвать... да все что угодно! Арсеналы местных воинских частей и базировавшегося в Кронштадте Балтийского флота успели вывезти не все. Часть досталась Измененным. И Шатун готов был биться об заклад, что среди этой части хватало взрывчатки. Но даже если тоннели остались проходимыми, куда же еще могла деться чертова уйма мутантов, как не в подземку? И вовсе не факт, что все они впали в спячку. Скорее всего это не так. По обширному метрополитеновскому подземелью их по-любому шныряет немало. А куда в тоннелях денешься от толпы прыгунов, к примеру? Сожрут и не подавятся! Нет, метро – это уж на самый крайний случай!

Он миновал Озерки и двигался по проспекту Энгельса на юг, рассчитывая доехать хотя бы до Испытателей. Оттуда можно будет уже и пешком, а пока лучше поберечь ноги. Об этом своем решении ему пришлось пожалеть весьма скоро, когда он увидел две выступившие к самой обочине человеческие фигуры. Новые. Двое. Паршиво! Даже если боевыми способностями обладает только один из них, а второй – только вспомогательными, у Шатуна отличные шансы при столкновении отправиться на тот свет. Только бы не заинтересовались! Только бы не стали проверять, кто это едет!

Но они заинтересовались. И стали. Один из них поднял руку в недвусмысленном жесте, призывающем к остановке. Послушаться? Или дать по газам и рвануть мимо? Нет, боевой Измененный не пропустит. К какому бы виду он ни принадлежал, тех секунд, в течение которых машина Шатуна будет проноситься мимо, ему вполне хватит, чтобы его прикончить. Остановка будет означать проверку. Неизвестно, правда, насколько тщательную, но пока что никто

из людей подобное «тестирование» не прошел. Верить в то, что он, Шатун, станет первым, по меньшей мере наивно. Особенно если один из них – читающий.

Измененные этого вида появились сравнительно недавно. Они чуть ли не в буквальном смысле видели всех насквозь. Не на уровне «человек-Измененный», а куда более глубоко: кто ты, откуда, какие у тебя намерения. В общих чертах, конечно, без конкретики – о чтении мыслей тут речь не шла. Но чтобы спалиться – более чем достаточно.

Шатун невольно взялся за правое ухо, за которым черной бусиной притаился пси-блокиратор. Полностью заряженный и активированный. Вот только Шатун, хоть застрели его, не мог вспомнить, где он раздобыл эту дико дорогую и дефицитную штуковину. Впрочем, сейчас это не важно. Важно, сможет ли блокиратор защитить его сознание от *чтения*. От пси-воздействия он защиту давал, а вот блокировать читающему доступ к скелетам в твоём шкафу – не факт: когда его изобретали, таких Измененных еще и в помине не было. Хорошо, кстати, что бусина такая маленькая, и надвинутая на уши вязаная шапка хорошо скрывает ее от взглядов Новых: заметь они пси-блокиратор – все, палево! Так как Новым подобные штуки ни к чему, тут уж и ежу понятно, что в гости человек пожаловал.

На мгновение возникло ощущение, что с автомобилем он свалил капитального дурака. Возникло и пропало, сменившись другим: его, похоже, ждали, каким бы невероятным это ни казалось. Засекли на въезде в город? Или позже? Почему так долго не трогали? Хотели узнать, куда он направляется? Вряд ли: тогда бы не стали трогать и сейчас. Нет, тут другое. Город, захваченный Зоной, – он как гигантских размеров паутина, но с мелкими ячейками. В какой-то момент он просто задел одну из сторожевых нитей, сам того не подозревая. И вот они, пауки, тут как тут. Поэтому какой смысл сейчас рассуждать о том, что было бы...

– Если бы он пошел с бубей, было бы еще хуже... – пробормотал себе под нос сталкер.

Он сбросил скорость и незаметным движением положил рядом с водительским сиденьем транквилизаторный пистолет, заряженный станowymi дротиками. Сейчас решится все: пан или пропал. Двое. Два паука, спокойно и уверенно поджидающие муху. Она еще движется, но уже влипла. Точнее, это они так думают. А муха не согласна, у нее для пауков припасен сюрприз. Главное теперь только не ошибиться с выбором, какой из них ядовитый, а какой просто глазастый, и поразить именно первого, чтобы потом спокойно разобраться со вторым. О том, что будет, если ядовитыми окажутся сразу оба, Шатун старался не думать.

Когда до двоих Новых оставалось метров десять, ему показалось, что за их спинами возникла еще одна фигура – в плаще и с капюшоном, полностью закрывающим лицо. В необычном таком плаще, как у монахов-капуцинов... А еще в подобном одеянии часто изображают Смерть. Шатун тряхнул головой, отгоняя наваждение, и оно действительно исчезло. Что это было – фантом? Но их не видели после исчезновения Кочевницы, то есть уже три с лишним месяца. Снова появились? Или ему просто мерещится? Мало того что мерещится, ему еще и кажется, что фигуру эту он где-то уже видел. К черту! Для этого сейчас не время. Ему и двоих Измененных хватит с лихвой.

Итак, один шагнул вперед, а второй остался сзади. Что это значит? Двинувшийся вперед – основной, а второй не имеет боевых способностей? Или наоборот – читающий собирается проверять, а его напарник стоит наготове, чтобы в случае проблем со стороны человека нанести удар? Право на жизнь имеет как та, так и другая гипотеза. Но тут как у саперов в кино: надо решить, какой провод резать.

А-а-а, ладно, семи смертям не бывать, а одной... Пальцы Шатуна сжались на рукояти транквилизаторного пистолета. Стекла опущены наполовину и с той, и с другой стороны. Первый Измененный приближается к водительской дверце, а второй стоит в паре метров от пассажирской. Не очень удобно, но попасть можно... При определенном везении.

– Что такое? – Шатуну удалось натурально изобразить легкое удивление на фоне полного спокойствия. Только если это действительно читающий...

По губам Нового пробежало подобие усмешки.

– Отживший! – почти прошипел он, решив тем самым для Шатуна проблему выбора.

Вскинуть доселе скрытый от глаз Измененных транквилизаторный пистолет и дважды выстрелить во второго – дело пары секунд... Попадание! Тот неловко упал на асфальт, а повернуть оружие в сторону читающего Шатун уже не успел: ему в лицо смотрел черный глаз дула пистолета. Обычного.

– Разблокируй заднюю дверь, живо!

Сталкер возражать даже не пытался: видел, как побелел от напряжения палец читающего на спусковом крючке. Видно, что он нервничает. С него станется выстрелить... Только вот почему тянет? Людей в Зоне обычно убивают, что называется, без суда и следствия. Дверь Шатун разблокировал, стараясь не делать резких движений. Похоже, для чего-то он Измененным нужен, раз его не убивают даже после откровенного акта агрессии. А раз так, это везение надо использовать по полной, чтобы не давать повода к убийству: авось еще удастся пожить...

Читающий ловко нырнул на заднее сиденье, и холодное дуло его пистолета прижалось к затылку Шатуна.

– А теперь мы немного прокатимся.

– Но как же твой напарник?

– А что он? – Измененный, казалось, даже удивился вопросу. – Ты ж его станом угостил, так? Ждать полчаса, пока он очнется, мне некогда: у нас с тобой дела, отживший.

– Какие?

– Там увидишь. Поехали, ну!

Глава 5. Стрельцов

Москва

– О Господи! – Лариса Козырева была явно потрясена. – Когда я затевала это расследование, то подсознательно ожидала, конечно, найти много грязи. Но чтоб такое... А вы уверены?

Я вздохнул. Этот вопрос с момента, когда мы оказались на конспиративной квартире Людмилы и Павла и я начал свой рассказ, она задавала далеко не впервые, и отвечать на него утвердительно я уже устал. Впрочем, ее можно было понять: когда твой разум атакует псионик, потом его вырубает человек, которого многие называют убийцей, и вместе с бессознательным псиоником увозит тебя в какое-то неизвестное место, где начинает рассказывать о чуть ли не мировом заговоре, поневоле растеряешься и начнешь задавать дурацкие вопросы. Так что следовало проявить терпение.

– Абсолютно. Только вот с доказательствами сложновато. По сути, все, что есть, – это свидетельства мертвецов. Нинко, заговорщик, в личной беседе подтвердил все это, когда надеялся переманить меня на свою сторону. Но теперь он мертв.

– Это вы его?.. – осторожно осведомилась Лариса.

– Я.

– Но зачем?! Его же можно было...

– Что? Арестовать и судить? Не смешите! Дело до суда не дошло бы. Тут есть два равновероятных варианта. Первый: его вытаскивают адвокаты или «лояльные». Второй – он просто не доживает до суда. И в любом случае Нинко стал бы все отрицать. Я не мог рисковать. Другого такого шанса добраться до глотки этой мрази могло и не представиться. Я слишком многих потерял по их вине. Аркадий Семенович Зарецкий – бывший шеф Урало-Западносибирского сектора АПБР и мой непосредственный начальник – знал об этом. Но он убит по приказу заговорщиков. Мне это точно известно, но тут лишь мое слово против их. Да, у меня есть запись послания, оставленного мне Зарецким перед смертью, но там лишь его свидетельства, как и в том электронном письме, которое он мне прислал. Косвенные улики, его логические выкладки и сведения о заговорщиках – имена, должности, адреса... Я не юрист, но и то понимаю, что в суд с этим не пойдешь. Любой толковый адвокат разобьет нашу «доказательную базу» в пух и прах. Профессор Воскобойников, который сотрудничал с АПБР в научной сфере, тоже многое знал и рассказал мне. Устно... А подтвердить он уже ничего не сможет, потому что мертв – до него тоже добрались. Еще, разумеется, знает Сид, но этот ничего не скажет. Скорее, убьет нас обоих... во всяком случае, попытается.

Она ошеломленно покачала головой.

– Сид... глава НМП. Все, что вы говорите, в голове не укладывается... Но с этим же надо что-то делать!

– Я и делаю... что могу.

Лариса скривилась.

– Одиночный террор – это не выход! Должен быть другой способ!

– Может, и должен. Только какой? Встать на их сторону? Но для меня это не вариант.

– Постойте! Но есть же СМИ! Наша телекомпания, например. Мой спецпроект. Да если вы все расскажете...

Я посмотрел на нее с жалостью.

– Лариса, вы на какой планете живете? Думаете, вы и вся ваша шарашкина контора не под колпаком? Дайте мне закончить! – Я повысил голос, видя, что она вскинулась и собралась активно возражать. – Да, вас выпустили в эфир, но только потому, что кто-то воздействовал на вашего директора, внушив ему непреодолимое желание совершить это профессиональное

самоубийство. Думаю, он же поработал и с вами, подкинув сведения, на которых вы основали свое расследование.

– Но кто? И зачем?!

– Тот, кому нужно свалить заговорщиков. Но не с вашей помощью, нет! Вы и ваша телекомпания на это не способны.

– Ну, знаете! – возмутилась Козырева.

– В том-то и дело, что знаю! Вы – всего лишь раздражитель и приманка. Ваша задача – укунить медведя, разозлить его и выманить из берлоги. Тогда за него и возьмутся охотники. А то, что от вас и вашего Мокрушина при этом пьяном деле останется, простите за каламбур, только мокрое место, их не волнует. Сделав свое дело, вы перестанете быть им нужны. Вернее, ему.

– Кому же?

– Готов поставить свой мотоцикл против пустой пачки от сигарет, что это Сид. Заговорщики для него, как он считает, – единственный серьезный противник. Их он хочет убрать. Псионические способности у него такие, что он может внушить что угодно и почти кому угодно. И, кстати, его приманка уже отчасти сработала. – Я мотнул головой в сторону связанного и все еще бесчувственного «лояльного». – За вами явился псионик заговорщиков.

– Уверены, что он от них?

– Конечно, уверен. И надеюсь, этот тип, когда очнется, нам это подтвердит... Кстати, возьмите-ка. – Я протянул ей черную бусину пси-блокиратора. – Он, конечно, под станом, но мало ли. А это хоть какая-то защита.

Видя, что она недоуменно рассматривает незнакомый ей предмет, я посоветовал:

– Прижмите к мочке уха с внутренней стороны. Он сам прилипнет.

Лариса последовала моему совету и посмотрела на меня.

– А вы как же?

– Я в таких штуках не нуждаюсь. На меня их способности не действуют.

В ее глазах сразу пламенем полыхнул профессиональный интерес.

– Кого нужно убить за эксклюзивное интервью с вами?

Шутка получилась несколько вымученной, но попала удивительно в тему.

– Убийства предоставьте мне, – без улыбки отозвался я. – Что же до интервью... Разберемся сначала со срочными делами, а там видно будет.

Сзади послышался полувздых-полустон. Я обернулся.

– Похоже, наш гость приходит в себя. Как раз вовремя!

Я придвинулся к нему. Несмотря на отсутствие на моем лице угрожающего выражения, а в руках раскаленных щипцов или других пыточных инструментов, «лояльный» даже несколько съежился и попытался максимально отстраниться. Впрочем, куда он денется, связанный?

– Стрельцов?! – словно выплюнул псионик.

Я видел, что он меня боится и ненавидит, но отнесся к этому совершенно равнодушно. Конечно, «лояльный» был врагом, но не тем, к кому я сам испытывал личную подсердечную ненависть. Это лишь инструмент в руках главных мерзавцев. Именно их я хотел достать и отыгрываться на их марионетке, служащей им скорее за страх, чем за совесть, не собирался. Я убил их уже более чем достаточно, и не всегда это было из самообороны. Воспоминания о бойне, учиненной мною в Коврове, до сих пор вызывали во мне тошнотворное чувство: уж слишком много крови. Останавливать свою вендетту я, конечно, не собирался, но все же чем меньше будет лишних жертв, тем лучше...

– Ты меня узнал, это хорошо. – Мой тон был совершенно спокойным. – Не понадобится долгих предисловий. У нас с тобой есть тема для беседы. Думаю, ты понимаешь, о чем я.

Собственно, даже я не особо понимал, чего хочу от него добиться. Я знал, что передо мной именно «лояльный», а не Новый. А следовательно, пришел он от заговорщиков. Имена

боссов? Я их знаю и так. Где они сейчас находятся? Подозреваю, что псионику это неизвестно: когда кого-то отправляют на операцию с риском захвата противником, обычно стараются, чтобы он не располагал лишними сведениями. Правда, ответы на кое-какие вопросы будет полезно услышать журналистке – хотя бы для подтверждения моих слов.

– Я ничего тебе не скажу, убийца!

Он пытался изобразить на лице смелое и даже презрительное выражение, но получалось у него плохо. «Лояльный» знал, кто перед ним, знал, на что я способен, а сам без своих способностей, временно заблокированных станом, чувствовал себя совершенно беспомощным.

– А вот я думаю, что скажешь. Тебе не для чего записаться. Необходимость в периодической вакцинации превратила тебя в раба. Подозреваю, новая вакцина требует инъекций гораздо чаще, чем раз в два месяца. Я прав?

В глазах псионика на миг появилось затравленное выражение, и я удовлетворенно кивнул.

– Вижу, что прав. Твоим хозяевам нужно держать вас на коротком поводке, чтоб не ослаблялись. И еще держу пари, что тебя сюда отправили незадолго до того, как тебе понадобится очередной укол.

Все-таки плохо он владел собой. очередной взгляд на него показал, что мой выстрел наугад вновь попал в цель.

– Опять прав. Это называется мотивацией кнута. Как если бы отправляющимся на спецзадание предварительно давали медленный яд, а противоядие – только после успешного завершения. Очень практично, не так ли?

– Заткнись! – не выдержал он.

Я усмехнулся.

– Что, не нравится правда? Терпи, терпи – не ты тут музыку заказываешь. Зачем тебя послали к Ларисе Козыревой?

Он постарался гордо отвернуться. Но опять не вышло. С гордостью по крайней мере. Выглядело это жалко, но я не злорадствовал. Устал уже. От ненависти постоянной устал. Своей в основном. Да, ненавидеть проще, чем любить. Ни о чем не беспокоишься. Не делаешься уязвимым: ведь тебе сложнее причинить боль, если ты лишь ненавидишь. Через кого тебя достать, если кругом только враги? Только лично, только физически, только убить. А если тебе плевать на возможность собственной безвременной кончины? Тогда ты вообще неуязвим! Сплошные плюсы... кажется. Только привкус у всего этого мерзкий. Травишься постепенно ненавистью, потому как в больших дозах она становится ядом для своего носителя. Не для того рождается человек, чтоб ненавидеть. Чтобы любить рождается и быть любимым, вот ведь какая штука! Но когда у тебя постоянно забирают всех, кого ты рискнул полюбить, тебе просто ничего другого не остается. И мне не осталось.

– Ты бы говорил лучше, – устало произнес я. – Полагаю, до начала вакцинальной ломки осталось всего ничего. Я видел, что это такое. Видел, как от нее умирают. Очень неприятное зрелище. Даже со стороны. А ты все испытываешь на собственной шкуре. Не страшно?

– Какая разница? Заговорю я или нет, ты меня все равно не отпустишь. Ты нашего брата ненавидишь, ведь так, Стрельцов?

– Уже нет. Вы заплатили по моим счетам. Вы, но не ваши боссы. Их я достану. Всех. Рано или поздно. Но тебе за них расплачиваться не обязательно.

«Лояльный» покачал головой.

– Я тебе не верю. Для тебя я солдат армии врага. Зачем оставлять меня в живых? Это неразумно, в конце концов.

– В чем-то ты прав, конечно, и я об этом подумаю. Однако даже в худшем случае, если я поступлю, по твоим меркам, разумно, для тебя это будет лучше, чем если бы я просто пустил

процесс на самотек. Смерть тоже разная бывает. И быстрая, по-моему, всяко предпочтительнее.

Я видел, что Козырева рвется что-то сказать, и на всякий случай незаметно сделал ей предостерегающий знак. Ее явно корбило от моих методов, но, к счастью, она поняла и не стала встречать. На войне из гуманизма каши не сваришь. А мы тут именно воюем, как ни крути.

«Лояльный» между тем явно колебался. Он, пусть и не в такой степени, как Новые, но все же был прагматиком. И, конечно, понимал, что в его стоицизме сейчас нет почти никакого смысла. Ни с какой точки зрения. Лояльность, когда она обеспечивается постоянной угрозой жуткой смерти, не может служить достаточно весомым аргументом для героизма. К тому же что такого я мог у него выяснить? Никаких страшных тайн своих боссов он почти наверняка не знал. Его отправили на второстепенный участок фронта с вполне конкретным заданием. Именно об этом я его и спрашивал. И что толку запираться?

– Хорошо, – наконец выдавил он. – Спрашивай!

– Кто из боссов тебя отправил? Учти, имена всех я и так знаю. Просто скажи, кто дал это конкретное задание?

– Сивакин.

– Хорошо. Что ты должен был сделать?

– Подкорректировать ее сознание. – «Лояльный» кивнул в сторону Ларисы. – Заставить кое-что забыть, а насчет остального переменить мнение. Отказаться от продолжения расследования и подать директору заявление об уходе.

Чего-то в этом роде я и ожидал, так что никакой Америки псионик мне не открыл. Но для меня было важно, чтобы Лариса услышала это от него. Так она охотнее будет сотрудничать в дальнейшем. Пока непонятно, конечно, зачем оно мне нужно, ее сотрудничество, но никогда не знаешь, в какой момент пригодится расположенный к тебе репортер... И то, что рыжеволосая журналистка была внешне очень даже ничего себе, конечно, совсем ни при чем. Вот реально ни при чем! Что-то во мне перегорело там, в Коврове, когда погибла Алина, так что я перестал реагировать на подобные эмоциональные раздражители. Я даже не знаю, зачем вообще ввязался в это дело – полез ее спасать. Не ради нее самой, это точно! Ведь понимал, что она – приманка, причем весьма вероятно, что и для меня тоже. Но ситуацию, когда насмерть грызутся мои смертельные враги, обязательно нужно использовать, чтобы нанести им удары! А если в процессе мне удастся спасти жизнь этой Ларисе... что ж, это будет дополнительным бонусом, но не главной целью, нет. Даже близко не главной...

А Лариса, кстати, была в шоке от слов «лояльного». Пожалуй, она только сейчас действительно поняла, от какой участи спаслась. Думаю, в этот момент жалости по отношению к псионику у нее здорово поубавилось. Люди на самом деле почти все в определенных ситуациях способны на жестокость. И перехватив взгляд журналистки, направленный на псионика, я подумал, что она, возможно, даже не станет возражать, если я убью его сейчас прямо на ее глазах. Однако стоило вернуться к вопросу: имелись и еще вещи, которые мне нужно было выяснить.

– Кого еще и куда отправили твои боссы в связи с этим делом?

– Я не знаю.

– Врешь!

– Клянусь, не знаю! Может быть, кого-то еще направили к ее шефу. – Он снова кивнул в сторону Ларисы. – Но если и так, мне ничего не говорили, и я могу только предполагать.

– Ладно... И еще одно...

В следующий момент я осекся и удивленно воззрился на псионика. С тем что-то явно происходило. Что-то неладное. Взгляд помутился, стал словно невидящим, устремленным внутрь себя, черты лица исказились, пальцы рук сжались в кулаки до побеления костяшек и

впивания ногтей в ладони. Этот странный процесс длился секунд пятнадцать, по истечении которых псионик вновь смог сосредоточить на мне свой взгляд. Но я готов был поклясться, что взгляд этот изменился. Словно его глазами на меня смотрел совсем другой человек. Или, скорее, нечеловек. Страх и неуверенность из него напрочь исчезли. Напротив: тот, кто смотрел, казалось, считал себя как минимум полубогом – столько высокомерия и превосходства было в этом взгляде. А когда в нем появилось еще и узнавание, губы псионика изогнулись в торжествующей усмешке.

– Стрельцооов! – протянул он с видимым удовольствием. – Рад нашей новой встрече!

– Сид? – спросил я, не веря своим глазам и ушам.

– Догадливый молодой человек! – продолжая усмехаться, проговорил глава НМП. – Но все же недостаточно. Иначе вы не стали бы ввязываться в это дело. Оно все в капканах, вы что, не поняли? Я свои расставлял на другую рыбу, но вы попались не в мой. Этот бедняга, которого вы допрашиваете, тоже был наживкой. Ваши бывшие апэбээровские боссы, конечно, просчитали, что девчонку-журналистку будут пасти. И вживили этому псионику маячок. Так что вы, дамы и господа, все покойники!

От его слов у меня спина заледенела. Вернее, не только от слов. Что-то происходило совсем недалеко. Очень нехорошее, и я это чувствовал. И все же сохранил спокойствие в голосе:

– А вы-то здесь зачем? Чтобы позлорадствовать?

– Не совсем. Вас, Стрельцов, я бы предпочел раздавить лично, причем после того, как вы избавите меня от нескольких наших общих врагов. Поэтому даю вам шанс. Они приближаются, но у вас еще есть возможность уйти. Не упустите ее!

Насмешка и снисходительность пропали из его глаз, как и вообще осмысленное выражение. А потом они закатились, и псионик потерял сознание. Но мне уже было не до него: я чувствовал приближение Измененных. Большого количества. Но тут дверь распахнулась, и на пороге возник Павел Шмаков. Судя по выражению его обычно скупого на эмоции лица, он был вне себя от тревоги.

– Кажется, у нас гости, Миха!

* * *

Признаться, никогда не любил гостей. Даже в той, прежней, почти нормальной жизни. И не таких, как эти. Тут же их целая орава, а мне и угостить нечем... Я чувствовал их всех, потому что все были Измененными. Не каждого конкретно, а как массу... Большую массу «лояльных». С такой толпой мне просто не справиться. А мои помощники тут мало на что способны, кроме как умереть... И жалко их до слез! И ребят, из дружбы вписавшихся за меня в эту гиблую историю, и журналистку несчастную, вся вина которой лишь в том, что проклятый Сид решил именно ее сделать наживкой... Я-то что – я давно приучил себя к мысли, что могу умереть в любой момент, и не особо за эту жизнь цеплялся. Разве что отомстить сперва все же хотелось.

Однако надо было действовать: фора, полученная благодаря предупреждению Сиды, таяла с каждой минутой. Враги охватывали дом кольцом, собираясь перекрыть все пути отхода. Если они успеют, нам крышка.

– Быстро уходим! – скомандовал я, подхватывая свой рюкзак.

– Четверо уже почти у подъезда!

– С четверыми я справлюсь, остальных отвлеку, а вы уходите и уводите Ларису!

– Нет! – Павел был искренне возмущен. – Мы тебя не бросим!

– Нет времени спорить! Они охотятся за мной, а не за вами. Какой смысл пропадать всем? Кроме того, я – непростая добыча. Еще покувыркаемся! Подъезд проходной, и заднюю сторону

дома они еще не контролируют, так что дуйте туда, потом на север, только не к стоянке, так как часть «лояльных» как раз оттуда прет. А я разберусь с теми, что уже здесь. Действуйте!

И тут же начинаю действовать сам, не давая им шанса ни на возражения, ни на попытки остановить меня: режим сверхскорости, рюкзак с амуницией на спину, нож в руки и за дверь. Им остается только с разинутыми от изумления ртами проводить взглядом мою стремительную тень. Павел с Людмилой еще не имели возможности наблюдать, как я вхожу в этот режим, а для журналистки все это и вовсе выглядит каким-то мистическим действием.

Четверых «лояльных», спешащих к подъезду, я уже идентифицировал: глушитель, сразу два скоростника и кинетик. Мерзкое сочетание – могу не сдюжить. По отработанному алгоритму сначала на опережение бью блокирующими способностями по глушителю. Успешно. Теперь вниз! Если скоростники еще не вошли в режим – тогда у меня преимущество первого удара. При везении оно позволит мне вывести из игры хотя бы одного.

Но с везением накладок: быстрые «лояльные» вовремя реагируют на блокировку глушителя и рвут в подъезд уже на скорости. Тут же, в лифтовом холле, мы и сходимся в схватке. Двое против одного – плохой расклад для меня. Заговорщики грамотно подбирают в своей армии кандидатов под определенные способности и сверхбыстрыми делают тех, кто способен наилучшим образом этой скоростью воспользоваться, – оперативников, обладающих отменными боевыми навыками. К тому же эти двое экипированы бронежилетами, что здорово снижает мои шансы достать их. Теснота холла несколько нивелирует их численное преимущество, лишая противников возможности атаковать меня с разных сторон, но эти двое, похоже, уже не раз работали в паре и теперь действуют согласованно, грамотно тесня меня. Пока мне еще удается обходиться без ранений, но я понимаю: это ненадолго. Через какое-то время они меня дождут.

Появление ребят с журналисткой меняет ситуацию. Естественно, они почти не видят наших движений и не могут мне помочь, но вот противники мои на них отвлекаются. Один даже делает попытку прорваться мимо меня, и я лишь в последний момент пересекаю их замысел: пока я пытаюсь помешать этому достать моих, второй достанет меня. Поэтому я кидаю второму под ноги гранату, заняв его на пару секунд нашего быстрого времени, а сам, поднырнув под резкий горизонтальный удар первого, достаю острием своего ножа его незащищенный бок. Хорошо достаю, почти на половину лезвия. Тот отшатывается, зажимая рану. Я по себе знаю: с таким ранением долго на сверхскорости нельзя – откинешь копыта. Он это тоже понимает, как и то, что в таком состоянии вряд ли сможет достойно мне сопротивляться. Второй откидывает гранату в дальний конец холла и падает ничком, чтобы избежать осколков. Я успеваю последовать его примеру, а вот раненый мешкает, и ему здорово достается.

Второй видит, что случилось с напарником и что ребята уходят через заднюю дверь. Это выводит его из себя. Ярость – хороший допинг, но плохой советчик, а в схватке на ножах голову лучше иметь холодную. Мой противник забывает об этом, за что и расплачивается по высшему тарифу. Я пользуюсь слишком широким взмахом его оружия и, вытянувшись в струнку почти с колена, делаю короткий колющий удар ножом в горло. Не очень сильно, но точно. Ударного импульса хватает, чтобы пробить аорту, а прикончить его – уже дело техники.

Но тут же меня буквально вышибает из режима: похоже, увлекшись схваткой, я выпустил глушителя из-под контроля, и ему удастся вернуть свои способности, которые он тут же использует по назначению, разом превращая меня из супербойца в самого обычного. Из темноты выступает кинетик. Он не может ударить конкретно по мне: иммунитета к энерговоздействию глушитель меня лишить не в состоянии. Но «лояльный» быстро находит выход, и в меня летят сразу два ножа, принадлежавших выведенным из строя скоростникам, причем летят с разных сторон. Силен кинетик: одновременные разнонаправленные импульсы – прием самый сложный и не всякому дается. Однако с точностью прицеливания у него, к счастью, не так здорово: от одного ножа я уклоняюсь, а второй вонзается мне в левое плечо. Падаю на пол, а

пока мой противник соображает, чем бы еще в меня запустить, ухитрюсь выхватить пистолет и выстрелить. Дважды.

Я, конечно, хорошо стреляю из любого оружия, но тут готов признать, что мне повезло: со второго выстрела из такого положения, да еще с одной руки в голову попасть дико сложно. Он убит наповал, но радоваться рано: во-первых, меня задержали, и остальные «лояльные» наверняка уже на подходе, во-вторых, все мои спецталанты выключены, а в-третьих, нож торчит из плеча сзади, мешая двигаться и причиняя нешуточную боль. Выдергивать его прямо сейчас неудобно, да и кровь хлынет потоком, а перевязываться некогда. Ну и до кучи с ножом в теле в сверхскоростной режим уже не выйдешь: рана средней тяжести может очень быстро перерасти почти в смертельную, тем более регенерация еще не до конца залечила предыдущую. Не фонтан, в общем, положение. Надеюсь, хоть ребятам удастся уйти...

Кидаюсь на выход из подъезда: надо срочно вывести из игры глушителя, иначе мне точно крышка. Он не ожидает моего появления и нервно палит, но с перепугу мажет – пуля свистит над моим плечом. Стреляю в ответ и не промахиваюсь: «лояльный» убит наповал.

Способности возвращаются, но для меня это означает лишь, что я могу почувствовать приближающихся врагов. Новости плохие: они совсем близко, и их больше десятка. А что еще хуже, один из них, похоже, «животновод», так как на меня несутся сразу два питбуля, и вряд ли с намерением поластиться. Бежать бесполезно: без сверхрежима эти псы догонят меня в два счета. Одного успеваю застрелить, а ко второму повернуться левым боком.

Тридцатикилограммовый живой снаряд сшибает меня с ног. Я неуклюже падаю на правый бок: нож в плече мешает группироваться. К счастью, обхожусь без дополнительных травм, хотя мне их и так хватает: левую руку, которой я пытаюсь защитить горло, самозабвенно принимается грызть псина, словно это сахарная косточка. Мысленно начинаю прощаться с жизнью: чутье говорит, что враги уже совсем близко...

Страшный удар сносит с меня питбуля, будто ураган. Удивленно бросаю на него взгляд и тут же отворачиваюсь: вид того, что осталось от собаки, вызывает рвотный рефлекс. Поворачиваюсь в сторону подъезда и вижу своего спасителя – того самого псионика, своего бывшего пленного. Только черта с два он теперь псионик: ментальный удар не способен вывернуть пса буквально наизнанку. Сид это, зуб даю! Глава НМП, видимо, для верности, решил подстраховать меня лично, взяв для этого под контроль тело Измененного и по-быстрому нейтрализовав в его крови остатки стана. Очень вовремя: пятеро «лояльных» уже метрах в тридцати от нас.

– Уходите! – не оборачиваясь, бросает мне Сид. – Я их задержу.

Упрашивать себя не заставляю: в пиковых обстоятельствах примешь помощь и от самого дьявола. Понятно, что за нее потом придется расплачиваться, да еще как, но ведь это когда еще будет. А сейчас хочется жить. Бегу прочь, сжимая зубы, чтобы не орать от боли: проклятый нож в плече причиняет основательные мучения. Не сомневаюсь, что мы с Сидом еще рассчитаемся, либо когда он сочтет, что я ему уже не пригожусь в войне с предводителями «лояльных», либо когда я почувствую себя в достаточно хорошей форме, чтобы попытаться угробить этого мерзавца... Попозже.

Чувствую позади резко возросшую энергетическую напряженность, но только вжимаю голову в плечи и добавляю ходу.

Глава 6. Козырева

Москва

Если бы Павел и Людмила практически не волокли ее за собой, Лариса бы, пожалуй, в какой-то момент просто встала, не в состоянии сделать больше ни шага. Слишком много всего за короткое время свалилось на ее голову. Как информации, так и событий. Конечно, она и раньше понимала, что у затеянной ею бучи будут последствия, но только теперь до нее помаленьку стало доходить, какое осиное гнездо она разворошила. Да, было круто вещать в эфир об Измененных и заговорах сильных мира сего. Лариса чувствовала себя такой отчаянной поборницей справедливости, способной на многое, чтобы открыть людям глаза. Это здорово повышало самооценку и внушало мысль, что занимается она очень важным и нужным делом. Если не мир спасает, то что-то вроде этого на уровне страны. Другое дело, что вся эта затея подсознательно воспринималась ею как некая игра. Сложная и опасная, но все-таки игра. До сих пор.

Но когда кто-то вторгается в твой мозг и начинает наводить там свои порядки, даже не спрашивая твоего мнения, глава террористической организации Измененных говорит с тобой чужими устами, а незнакомый человек, прикрывая твой отход, применяет свои сверхспособности и отчаянно сражается с превосходящими силами врагов, жаждущих тебя убить, это здорово меняет восприятие. А когда все вышеперечисленное происходит в течение очень короткого промежутка времени, напоминая горную лавину, натура впечатлительная вполне может впасть в шоковое состояние.

Лариса считала, что она другая. Что она видела всякое и что ее из танка не прошибешь... Наивная! Все познается в сравнении. Ее «всякое» было детскими играми, не имевшими ничего общего с действительно серьезными испытаниями. То, что Козырева удержалась, не впад в ступор, уже было если не чудом, то основательным везением... как и присутствие рядом этих ребят из АПБР... Видимо, уже бывших ребят из АПБР. Они спасли ее жизнь и рассудок. И продолжают спасать. Михаил Стрельцов там, позади, сражаясь с Измененными, а Павел и Людмила – утаскивая ее прочь от опасности.

Вот только... Вспыхнувший в голове неприятный этический вопрос Лариса не замедлила озвучить, задыхаясь на бегу:

– А мы... разве не должны были... ему там помочь?

– Думаешь, нам это в голову не пришло? – иронически осведомилась Людмила.

В отличие от Ларисы она даже не запыхалась. Физподготовка АПБР, однако! Это вам не йога два раза в неделю!

Козырева смутилась:

– Пришло... наверное... но...

– Почему мы ничего не сделали? – подхватил Павел. – Да потому что даже нам с Людой в том бою цена – червонец за двоих, не говоря уже о тебе. Там схлестнулись ребята из совсем другой лиги, понимаешь? Таких, как мы, они на завтрак едят десятками!

– Погодите... – не справилась с изумлением Лариса. – Но вы же... обучались бороться с Измененными!.. Вы же... АПБР!

– Мы и боремся, – подтвердила Людмила. – Кому-то можем противостоять на равных, кому-то – при условии численного преимущества. Но эти... мы их даже не увидим. Только почувствуем, как они нас убивают.

– Скоростники, – продолжил Павел, не сбавляя хода, но и стараясь не слишком опережать Ларису. – Раньше их было мало... Сейчас, похоже, ситуация изменилась. И это чертовски плохая новость! В таких хрен попадешь хоть станом, хоть пулей...

Он вдруг осекся, похоже, только сейчас сообразив, с кем и о чем откровенничает в нарушение всех инструкций. Пусть даже инструкции эти были написаны теми, кто сейчас по другую сторону баррикад.

– Только ты это... панику в народе не поднимай, журналистка! Сама понимаешь, чем это пахнет!

– Но как же! – Лариса задохнулась уже не только от бега, но и от возмущения. – Люди же должны...

– Ни хрена они не должны! – оборвал ее Павел. – Ты только представь, какая истерика начнется! Мы и так войну ведем тяжелую, и все не идет вразнос только потому, что она тайная. А кому станет лучше или легче, если по стране миллионы психов с квадратными глазами метаться начнут? Тут сразу всему швах наступит, ясно?

– Ясно...

Ларисе даже стыдно стало за свой наивный идеализм. Как она еще умудрилась его сохранить в современном-то мире? Помимо черного и белого она допускала еще лишь серое, а кучу других цветов и оттенков совсем не использовала в своих оценках людей и событий, как будто их и не существовало. Может, вся эта свистопляска вокруг нее началась именно потому, что она, со своей черно-белой философией, оказалась слишком удобной марионеткой?

Погрузившись в свои невеселые мысли, Козырева чуть не упала, поскользнувшись на обледенелых ступеньках, ведущих в соседний двор. Спасибо Павлу, который, ругнувшись, в последний момент поймал ее за капюшон куртки, а то могла бы и костей не собрать.

Этот мелкий инцидент как-то помешал им обоим вовремя заметить, что рядом с ними уже нет Людмилы. А когда через несколько шагов Павел обернулся, его лицо побледнело и вытянулось. Увидев это, Лариса тоже развернулась как ужаленная. Людмила стояла шагах в десяти от них, и в ее руке был пистолет, направленный прямо в лоб Козыревой. Он сидел словно влитой, и рука не дрожала. А вот глаза... Они были странными. Какими-то невидящими, что ли.

– Лучше не двигайтесь, – деревянным голосом посоветовала Людмила. – Оба.

– Твою ма-а-ать! – тихо протянул Павел.

– Что происходит? – Паника Ларисы стремительно нарастала.

– Ее пси-блокиратор... Он почти сел... Я хотел его подзарядить, но со всей этой свистопляской как-то из головы вылетело... Вот деби-и-ил!

– А с ней-то что?! – Голос журналистки был нервным, на грани истерики, но децибелы пока не набрал.

– Не поняла еще, что ли? Сама ж недавно была в таком же положении!

– Псионик? – похолодела Лариса.

– Он самый...

У Павла был такой вид, словно у него жутко болит зуб, и вот в этот самый момент он решил его вырвать. Самостоятельно. Он осторожно сделал шаг вперед по направлению к жене. Ее рука с пистолетом сразу же повернулась в его сторону.

– Даже не думай!

– Люнь... – тихо и нежно произнес Павел. – Это же я... Мы ж с тобой команда, милая... Не поддавайся ему, очень прошу! – Его правая нога снова аккуратно, скользом, по слегка прикрытой снегом наледи продвинулась чуть вперед. – Нас же учили, помнишь? Я верю, ты сможешь, Люня! Ты же всегда лучше меня умела пси-барьеры в Зоне ставить! Ты ж у меня крутая, Люнь! Самая лучшая на свете!

Левая нога Павла тоже заскользила вперед, и Лариса затаила дыхание. Людмила не сводила с мужа глаз и пистолета, но больше ничего не говорила и не стреляла. Казалось, между супругами в этот момент установилось что-то вроде хрупкого контакта, потенциально способного даже справиться с контролем псионика. И Козырева боялась шевельнуться или издать

хоть какой-нибудь отвлекающий звук, чтобы, не дай Бог, не нарушить этот контакт, в котором заключался их единственный шанс на спасение.

– Люня, – продолжал между тем Павел, – ты помнишь тот вечер в Тобольске? Мы с тобой тогда в клуб пошли, типа Новых отслеживать? Помнишь? Правда круто было? Люнь? А помнишь, о чем мы тогда говорили? Клятву нашу? Что ты мне сказала? А, Люнь?..

И тут что-то произошло. Мимолетное и неуловимое. У Людмилы поменялся взгляд. В нем появилось какое-то осмысленное выражение... полное невыразимой боли.

– Навсегда, Пуш... – с трудом выговорила она, – значит, навеки! Никаких полумер!

И не успела на лице Павла появиться робкая полуулыбка не верящего в свое счастье человека, как Людмила резким движением приставила пистолет к своему подбородку и нажала на спуск. Грохот выстрела, визг Ларисы и отчаянный вопль-рев Павла слились воедино. Людмила рухнула навзничь.

– Нет-нет-нет-нет!!! – затараторил все быстрее Павел, кидаясь к мертвой жене. – Нет, Люня!!! Что ж ты натворила, а?! – Он упал на колени рядом с телом и схватил ее остывающие руки. – Мы ж команда?! Как же так?! Как же клятва наша?! Навсегда – значит навеки!

Горе на лице этого сурового мужика потрясло Ларису. Впрочем, у нее и самой в этот момент глаза были на мокром месте. Ей и без объяснений было понятно, что Людмила, справившись на мгновение с контролем псионика, пошла на этот шаг, чтобы дать им шанс спастись. И каждая секунда промедления этот шанс убивает. Козырева кинулась к Павлу и схватила его за плечи.

– Бежим!

– Отвали! – Он дернул плечом, чтобы сбросить ее руку, но Лариса держалась цепко. – Я ее тут не брошу! Беги одна!

Может, и сбежала бы, но... одна?! Куда?! Где теперь безопасно? Опытный оперативник рядом хоть знал, что происходит, и мог, если что, защитить. А одна... Нет, только не сейчас! Ей пока слишком мало известно!

– Люда мертва, Паша! – Козыреву охватило отчаяние. – А если мы не свалим сейчас, скоро тоже станем покойниками! Или чего похуже!

Лариса помолчала и, видя, что оперативник не реагирует, пустила в ход последний аргумент:

– Не для того Люда в себя стреляла, чтобы ты здесь погиб! Когда на том свете встретитесь, она тебе таких вломит!

Лариса так и не поняла, что именно на него подействовало, но Павел резко поднялся и злым движением вытер мокрое от слез лицо.

– Прости, Люнь... Я вернусь! – Он повернулся к Ларисе. – Ладно, валим!

Они успели пробежать шагов двадцать, когда Ларису вдруг охватила резкая боль, будто судорогой свело все мышцы сразу. С криком она упала, заметив краем глаза, что с ее спутником творится то же самое. Вопреки туманящей мозг боли и деревенеющим с каждой секундой мускулам она еще сумела как-то поднять голову, чтобы разглядеть неспешно приближающуюся блондинку с пышной прической, без шапки и в сиреновом пуховике.

– Не так быстро, девочки и мальчики! – произнесла незнакомка, с удовлетворением глядя на корчащиеся у ее ног тела.

А в следующее мгновение взгляд ее стал испуганным, и хлопнул выстрел. На лбу блондинки возникло темное пятнышко пулевого отверстия, и она пропала из поля зрения Ларисы. Буквально тут же боль вместе с параличом стали отпускать. Через несколько секунд Козырева уже смогла сесть, а Павел – даже подняться на ноги. Он смотрел куда-то за спину Ларисе.

– Муха?!

– Уходим! – резко ответил голос Стрельцова. – Некогда расслаживаться!

– Люда...

– Они заплатят. – Сильные руки буквально вздернули Козыреву вверх и поставили на ноги. – Но только если сейчас мы не станем тормозить.

И в тот же миг, несмотря на боль, страх и печаль о погибшей на ее глазах Людмиле, Ларису охватило дикое, иррациональное внутреннее ликование. Не одна! Ее спасли! Не бросили! Эти двое с ней! А значит, все не так уж и плохо! И осознание этого вызвало у журналистки неудержимый поток слез, не мешавших ей, однако, резво переставлять ноги, чтобы не отстать от своих спасителей...

Глава 7. Шатун

Питерская Зона

Шатун не гнал: торопиться ему было некуда, поскольку от окончания поездки он не ждал ничего хорошего. Проехав по Энгельса до перекрестка с проспектом Испытателей, они свернули по нему направо.

– Можно узнать, куда мы едем? – спросил Шатун.

– Нельзя! – отрезал читающий.

Примерно с полминуты после этого он молчал, но затем все же снизошел до беседы:

– Ты – болван, отживший, что сунулся сюда. На что ты вообще рассчитывал?

– На удачу, – ответил Шатун, внутренне отчасти соглашаясь с определением, которое Новый дал его умственным способностям.

– Глупец! – не изменил своего мнения читающий. – У тебя не было шансов. Любой боевой Измененный размазал бы тебя по асфальту!

– Пытались уже. И не раз. А я живой, как видишь!

– Ну, это ненадолго, – заверил его читающий. – Как только Сид получит от тебя все, что хочет, он исправит это недоразумение.

Фраза прозвучала настолько многообещающе, что Шатун проникся. И желания встречаться с этим Сидом не испытывал ни малейшего. Кстати, где-то он слышал это имя... Только где? Вроде какой-то крутой террорист из Новых. Может, даже их босс... Да, кажется, так... Шатун внутренне поежился. М-да, бывает хуже, но реже. А если бы он пошел с бубей...

Читающий, похоже, вошел во вкус разговора. Уверенный в том, что держит ситуацию под своим полным контролем, он был не прочь скоротать время за болтовней. Но Шатун это же самое время использовал с куда большим толком и как раз завершал свои приготовления. Тот, кто находится с пистолетом на заднем сиденье, ошибочно считает такое положение идеальным, но это не так. Спинка водительского сиденья скрывает многое, в том числе и манипуляции, которые проделывает сидящий за рулем. Шатун же, ведя с Измененным беседу, еще больше его отвлекал. И не просто так, для затяжки времени (оно-то как раз работало против stalkера, приближая встречу со зловещим Сидом), – у Шатуна был план. Несколько авантюрный, но вполне реализуемый.

– Ты только скажи зачем, отживший? Зачем ты пошел на это самоубийство? Хотел устроить теракт, диверсию?

– Ты не поймешь, колода бесчувственная!

Казалось, читающий даже обиделся.

– Мы многое способны понять, отживший! Даже то, чего вам никогда не постичь. Ну да ладно – когда Сид хорошенько выпотрошит твои мозги, он извлечет из них все, что нужно.

С каждой минутой встречаться с Сидом Шатуну хотелось все меньше. Но он был почти готов действовать.

– Посмотрим...

Читающий, похоже, что-то заподозрил и чуть подался вперед, сильнее вдавливая в шею stalkера ствол пистолета. И тут Шатун начал действовать. Маленьким фонариком в левой руке он манипулировал так, чтобы его свет, попав в центральное салонное зеркало заднего вида, отразился в нужное место. И точку прямо за своим правым плечом он уже «пристрелял». И когда уловивший какие-то отблески Новый подался вперед, stalkер включил максимальную интенсивность света. Что делает человек, которому светят в глаза чем-то ярким? Правильно – или замуривается, или пытается прикрыть глаза рукой. А часто и то, и другое одновременно. Это чисто рефлекторные действия. Так получилось и в данном случае. Инстинкт подвел Измененного. Левая его рука была отведена назад, а в правой, которой закрывать лицо как раз удоб-

нее всего, он держал пистолет. И закрыться читающий попытался именно правой, отведя на мгновение ствол пистолета от шеи сталкера. Шатуну этого хватило. Отпустив руль, правой он поймал запястье Нового с оружием и резко дернул его за руку вперед. Левой же, развернувшись, что было силы ударил его в переносицу, сломав нос.

Это больно. Когда тебе нос ломают, о том, чтобы удерживать в руке оружие, не думаешь. Если ты, конечно, не боец. Но читающий бойцом не был – его дар подобного и не предполагал. А потому пистолет выпустил, и тот упал куда-то вниз. К счастью, не под педаль. Левой рукой Шатун снова поймал руль, выравнивая вильнувший было автомобиль, а правой обхватил противника за шею, напрягая все мышцы руки. Прозвище к Шатуну прилипло не просто так: силы ему было не занимать – с самим Баксом мог на равных бороться, пока тот не сгинул. Примерно секунд через двадцать у читающего закатились глаза, и он вырубился.

Остановился Шатун метров через пятьдесят, найдя удобное место для парковки и удостоверившись, что рискованные маневры машины не привлекли ничьего нежелательного внимания. Но улицы были на удивление пустынные. Впрочем, как слышал Шатун, Измененными становились немногие. В основном излучение Объектов превращало людей в истребителей, которых в Питере, учитывая его население, должна быть чертова уйма. И где они все? Шатун не знал, да если честно, не особо и хотел знать. В неведении было как-то спокойнее.

В рюкзаке сталкера имелось более чем достаточно полезных вещей. Среди них были и наручники. Заведя руки бесчувственного Нового ему за спину, он защелкнул браслеты. Пока у Шатуна не было ни малейших идей, как использовать добытого «языка», но то, что он может оказаться полезным, сомнений не вызывало. Источник информации, проводник, заложник – вариантов было много. Только вот скоро он очнется и начнет, пожалуй, буяннить. Это уж точно привлечет нежелательное внимание, а Шатуну, между прочим, еще через полгорода ехать.

Сталкер про себя чертыхнулся. Питер с его островами и мостами мог превратиться для него в самую настоящую ловушку: мосты легко перекрыть. Да, их хватает, но все равно ограниченный контингент справится. Может ли пленный помочь выбраться? Помешать вот – запросто, а помочь... Скорее всего сможет, только вряд ли захочет. Хотя... Оставался один способ. Не факт, конечно, что он сработает... В рюкзаке его в потайном кармашке лежала маленькая металлическая коробочка со шприцем и четырьмя ампулами... Антинова. Неприкосновенный запас. Добыл давно уже, по случаю, через знакомых сталкеров, занимающихся кровью Измененных. Четыре порции, на всякий случай – мало ли, постоянно же в Зоне приходится бывать, неровен час... Не бесплатно, конечно, – кучу денег вбухал, но пока что вакцина не пригодилась. Может, пришло ее время? Шатун слышал о «лояльных» и о том, как они получают. Вколоть сейчас этому типу антинову и посмотреть, что из этого выйдет. Если он *изменился* недавно, есть шанс превратить его в союзника...

Не давая себе шанса передумать, Шатун наполнил шприц вакциной и ввел его содержимое в вену Измененного. Теперь оставалось только ждать и надеяться, что сработает. Но ждать в движении: когда тот подстреленный Новый очухается, то сразу даст знать остальным о случившемся, и начнется травля. Так что стоять на месте нельзя. Куда двигаться? Определенный план у Шатуна сформировался. Даже сейчас о метро ему думать не хотелось. Помимо всего прочего не любил Шатун подземелья. Не то чтобы у него была клаустрофобия, но там, под землей, на него будто давило что-то, и воздуха не хватало. Зато на Большой Невке в районе Елагина острова хватает пристаней и лодочных станций. Река еще не замерзла – температура в Питере и окрестностях пока не опускалась намного ниже нуля. А на лодке можно будет обогнуть острова со стороны Финского залива, избежав таким образом мостов, и причалить где-нибудь в устье Большой Невы. Там ему откроются куда более широкие возможности, чем здесь и сейчас. Особенно если сработает антинова.

Шатун поехал по Испытателей, а потом по Богатырскому проспекту. Навигатор подсказывал нужный маршрут, однако приближавшийся к нулю показатель уровня топлива вносил

свои коррективы во все планы. Требовалась заправка. До нее, кстати, если верить карте, оставалось не так много. Можно дотянуть, пожалуй... Вот только неизвестно, есть там кто-нибудь или полная анархия: подъезжай, кто хочет, и бери, что хочешь. Пока что наблюдения позволяли сделать вывод, что новые хозяева Питера не особо заморачивались наведением порядка и управлением захваченной территорией. Но бензин, как ни крути, – стратегический ресурс, и пока Измененные не научились летать, или пока город не покроется плотной сеткой пространственных аномалий, машинами они будут пользоваться. Выходит, заправку они могут контролировать, и соваться туда опасно. Однако делать нечего – придется рискнуть: цель находилась от него слишком далеко, и топать до нее на своих двоих, когда на тебя объявлена охота, – не самое лучшее решение. Хотя можно попытаться слить бензин из какой-нибудь брошенной машины – вот как раз и стоянка...

Пока Шатун размышлял, на заднем сиденье послышался шорох и вздох, больше похожий на стон, а потом гнусавый от заполнившей нос крови голос произнес:

– Какого черта? Что ты со мной сделал?

– Сломал нос и вколол антинову, – лаконично отозвался сталкер.

– Зачем?

– Хотел прочистить тебе мозги.

– Зачем? – повторил читающий.

– Вот же заладил! – с легким раздражением отреагировал Шатун. Было уже очевидно, что эксперимент провалился. Или одной дозы вакцины оказалось недостаточно. – А что мне было с тобой делать?

– Убить, – без тени сомнений отозвался пленник. – Или, если ты жалостливый, выпшвырнуть из машины, пока я был без сознания, и уехать.

– Ну, сделать это никогда не поздно. А потом, я подумал, что ты можешь быть мне полезен.

Измененный подобрался, и его скулы напряглись. Такой разговор в практической плоскости он уже был в состоянии понять.

– С чего ты взял, что я стану тебе помогать?

– А что, не станешь?

Читающий отрицательно помотал головой.

– Почему?

– А какой смысл? Ты все равно покойник. Сид знает, что ты в городе. И с каждой минутой петля вокруг тебя затягивается все туже, хоть ты этого пока не чувствуешь. Скоро почувствуешь, но будет уже поздно.

Внезапно в голову Шатуну пришла одна мысль, от которой ему резко стало не по себе. Если эта догадка верна, то времени у него практически не осталось. Он полез в рюкзак, достал оттуда черный матерчатый мешок, еще одну ампулу антиновы и шприц. Его манипуляции обеспокоили читающего, хотя подробностей ему видно не было.

– Что ты там делаешь?

– Ничего особенного. С навигатором разбираюсь.

– Это бесполезно. Тебе не уйти. Я же сказал...

– А я тебя слышал.

Шприц был наполнен, и сталкер с ним и матерчатым мешком в руках вышел из машины. Измененный между тем вертел головой по сторонам.

– Где мы, кстати?

– В Караганде, – отрезал Шатун, открывая заднюю дверь. Читающий, почуяв неладное, попытался извернуться, чтобы ударить сталкера ногами, но тот не позволил ему. Повалил, накинул на голову черный мешок и воткнул в шею шприц.

– Он тебя все равно не отпус... – завершал было пленник, но осекся и обмяк – антинова подействовала быстро, вырубив Нового не хуже удушающего приема на шею.

Дальше надо было действовать быстро, поскольку Шатун был почти уверен в своем предположении. Сам он с этим еще не сталкивался, но среди сталкеров ходили слухи, что читающие и другие им подобные Измененные без боевых навыков могли использоваться какой-нибудь тварью высокого уровня в качестве глаз и ушей. Такие встречались очень редко и в обиходе назывались пауками. Сид, если он тот самый главарь Новых, вполне мог оказаться таким пауком. Исходить следовало из худшего предположения, что он глазами читающего увидел окрестности и вычислил место, где они находятся. Значит, скоро здесь будут его боевики, и тогда абзац! Заправляться и сливать бензин было уже некогда. Оставалось бросить «Форд» и увести другую машину.

Кто часто ходит в Зону, тому периодически приходится пользоваться бесхозным транспортом, поэтому почти все сталкеры располагали инструментами, необходимыми для угона. Достав из рюкзака свой спецнабор, Шатун подбежал к «Лендроверу Дискавери», находившемуся в середине стоянки, – здоровая зверюга, мощная. Шатун питал слабость к таким. Вскрыл ее за пятнадцать секунд (его личный рекорд!) и с облегчением не услышал воя сигнализации. Повезло – лишний шум сейчас был ни к чему. Перетащить в «Дискавери» рюкзак и бесчувственного читающего было делом еще полуминуты. Практически столько же потребовалось, чтобы завести ее без ключа, после чего он рванул с места и понесся по Богатырскому проспекту на запад.

* * *

Навигатор построил маршрут через Богатырский проспект и Торфяную дорогу. Шатуну это не слишком нравилось, так как впереди было сразу две автозаправки, на которых мог быть пост Новых, но альтернатива – через Коломяжский проспект и Савушкина – выглядела еще хуже из-за железнодорожного переезда и моста через Черную речку. В общем, хрен редьки не слаще, но у заправок больше возможностей для маневра. К тому же за ними находилась зеленая зона – Серафимовское кладбище. Вот там можно машину бросить и рвануть через него пешком. Этот план и был взят на вооружение. Оставалось придумать, что делать, если заправка охраняется.

С заднего сиденья послышался удушливый кашель. Шатун закатил глаза: этот читающий обладал подлинным талантом не вовремя приходить в себя!

– Может, хватит надо мной издеваться? – голос Измененного звучал, как у капризного и обиженного великовозрастного дитяти.

Шатун хмыкнул.

– Да кто над тобой издевается? Когда я начну, ты сразу почувствуешь.

– Тогда прекрати колоть мне эту дрянь! Ты же понимаешь: все бесполезно – процесс не обратить.

– Ну, надо же было попытаться! – с напускным безразличием пожал плечами сталкер.

Хотя вообще-то провал эксперимента его здорово раздосадовал: две ампулы из четырех псу под хвост! Оставшиеся две надо беречь на случай, если он здесь задержится: пополнять собой ряды Измененных совершенно не входило в планы Шатуна. К тому же, если он таки отыщет Джилл, одна доза, вполне возможно, понадобится ей.

– Хотя бы мешок сними! – ворчал между тем пленник.

– Щаззз! – мрачно отозвался Шатун. – Спешу и падаю! Это чтобы тебе удобнее было живым маячком работать для вашего Сиды? Перебьется!

– Догадался, да? – уныло спросил читающий. – Ну и черт с тобой, не снимай! Все равно тебе не уйти!

– А если ты надеешься, – продолжил сталкер, – что он даже так сможет тебя запеленговать, то зря: я мешок предварительно станом из пульверизатора опрыскал.

Последнее было ложью (не было у Шатуна столько стана – только тот, что в дротиках), но читающий этого не понял и грязно выругался. Вакцина все-таки приглушила его способности, а мешок лишил зрения. Кроме того, читающий-то он читающий, но чужие мысли воспринимать, похоже, не мог – иначе Шатуну не удалось бы его подловить и вырубить.

Вспышка гнева пленника слегка порадовала сталкера: проняло-таки гада! Вот только других поводов для радости не просматривалось. С какой стороны ни глянь, ситуация представлялась достаточно поганой. Пленный Новый, раз уж не удалось ничего с ним сделать, становился теперь серьезной обузой, и эту проблему надо было как-то решать. И проблему прорыва через более чем вероятные блокпосты тоже. Готового решения ни одной из них у Шатуна не было, а ехать до заправок оставалось меньше минуты.

Он свернул с дороги и остановился – необходимо было подумать.

– Чего ты трепыхаешься, отживший? – прервал его размышления с заднего сиденья читающий. – Впереди пост, а сзади едут боевые Измененные Сиды. Тебя окружают, болван, и деваться тебе некуда! Меня как заложника использовать не удастся. Моя жизнь стоит мало. На земле еще полно отживших, из которых можно сделать новых читающих. А тебе так и так конец! Хотя если будешь хорошо себя вести, может, еще и заслужишь право на *изменение*.

– Рановато ты меня хоронишь! – ответил Шатун, лихорадочно изобретая способ прорыва. Хотел бы он, чтобы за этими словами скрывалось нечто большее, чем бравлада, но пока что была лишь она. Хотя... – Жить хочешь?

– Не могу сказать, что мне все равно, но если цена моей жизни – помощь тебе, то пошел к черту!

– Хочешь умереть за свое дело? Могу тебе это устроить!

– Убьешь меня? – Голос Измененного пусть чуть-чуть, едва заметно, но дрогнул.

– Угадал. Только не совсем так, как ты думаешь.

Решение у Шатуна наконец созрело. Жестокое, совсем в стиле Новых. Что ж, с волками быть... Сталкер вылез из машины и вытащил читающего наружу. Тот попытался было сопротивляться, но Шатун вырубил его ударом рукоятки пистолета по голове. Затем усадил на водительское сиденье, привязав руки к рулю, и достал из своего рюкзака еще одну полезную вещь – немного термитной взрывчатки со взрывателем ударного типа. Часовой механизм был бы, конечно, лучше, если бы Шатун мог с идеальной точностью рассчитать время, когда понадобится взрыв. Ну да ничего – так тоже неплохо. Сталкер приладил это устройство на спинку водительского сиденья, прямо за головой пребывавшего в беспамятстве Измененного, затем полез в багажник «Дискавери». Порывшись, обнаружил там лопату, к счастью, имевшую довольно длинный черенок. Прикинул – в самый раз для его целей.

Теперь дальше. Кто там может охранять заправку? Вряд ли пироманты. Значит, кинетики, щитовики, возможно, пневматики... Тут требуются навыки мгновенной атаки или защиты – на случай стрельбы. Да, скорее всего будет именно такой набор...

Шатун посмотрел на навигаторе схему перекрестка. Этаким треугольник, на правой стороне которого находится стоянка, а на левой – заправка. Что бы сделал он, если б перед ним стояла задача перегородить этот перекресток? Причем так, чтобы совсем его не заблокировать для своих транспортных средств, которые все же нет-нет, да ездят? Первым делом перекрыть основную магистраль. Не важно чем – хоть баррикадой из досок и камней, хоть бетонными блоками, хоть бесхозными машинами, благо, в последних недостатка не наблюдается. Перекрыть с запасом, с выходом на дальнюю обочину, на случай если прорываться будет какой-нибудь борзый сталкер на внедорожнике. Оставить свободным только узкий извилистый проезд мимо заправки. Свой скорость сбросит и проедет, а вот у чужого будут проблемы – там

и не разгонишься толком, опасность врезаться на каждом шагу. И вот на этом-то проезде что хочешь с ним, то и делай. Вмажет кинетик, да так, что мало не покажется, и дело сделано.

План хороший. И тем, кто дружит с логикой, он должен прийти в голову первым делом. А Новые с логикой дружат – у них с эмоциями напряг. Так что скорее всего именно так они и поступят. Вот только план этот подходит против тех, кто хочет именно прорваться на машине, причем живым. Как раз в этом и заключалась его единственная уязвимость. Просто Шатун собирался «умереть», причем эффектно, с фейерверком.

Проделав необходимые манипуляции со взрывателем и убедившись, что в случае чего сможет активировать термитный заряд в течение секунды, сталкер перебрал рюкзак, избавившись от излишков и оставив только самое необходимое, после чего надел его на себя и залез на сиденье рядом с водителем, максимально его отодвинув и присев так, чтобы его не было видно через лобовое стекло. Глубоко вдохнул и выдохнул, чтобы успокоиться: трюк предстояло выполнить на зависть опытным каскадерам.

Ну, поехали... Шатун приготовил лопату и веревку для активации взрывателя и, пробормотав свое фирменное «А если бы он пошел с бубей...», нажал на педаль газа. «Дискавери» тронулся с места плавно. Хорошая машина. Жалко из нее движущуюся бомбу делать, ну да чего уж там...

Шатун держал руль левой рукой и чуть выглядывал из-за приборной панели, чтобы, не дай Бог, раньше времени ни во что не врезаться. А вот и перекресток. Сталкер за три секунды окинул его взглядом и убедился, что обстановку угадал верно. Основную трассу перегораживало несколько грузовиков. По правой обочине не проскочишь – там стоял микроавтобус, а слева был тот самый проезд мимо заправки. За автомобильной баррикадой, в той ее части, что была ближе к заправке, наблюдалось движение. Измененные.

Что ж, пора! Лопата была заранее привязана и зажата между ногами обреченного читающего. Шатун упер черенок в педаль газа и вдавил ее до пола, после чего заклинил. И вывернул руль так, что его импровизированный автомобиль-шахид понесся прямо на заправку.

Когда машина идет на таран – это работа для кинетиков. Именно их удара Шатун ждал каждую секунду, готовясь, если его не произойдет, дернуть за веревку. Дергать не пришлось. Одновременно произошло три события. Кинетики ударили, пробив силовым импульсом лобовое стекло, от удара сработал детонатор термитного заряда, который полыхнул, как маленькая сверхновая, а сталкер, раскрыв дверь с пассажирской стороны, вывалился наружу и покатился по асфальту в сторону. Полыхающий «Дискавери» двигался прежним курсом, Шатун же, стартовав из положения на четвереньках, рванул в противоположную сторону. Один из кинетиков его заметил, но прежде чем он успел что-то сделать, сталкер дважды выстрелил и мысленно поставил себе пятерку за экстремальную меткость: обе пули ударили в лицо Измененному, и тот опрокинулся навзничь. Остальным же кинетикам было не до бегущего человека: они пытались остановить пылающий автомобиль. Да куда там?! Набравший скорость «Лендровер» – это вам не пушинка, и телекинетическим импульсом его так просто с пути не свернешь.

Вот только либо руль Шатун все-таки заклинил некачественно, либо читающий в последний момент пришел в себя и дернул его, а только машина вильнула и вместо заправки врезалась в ближайший к ней грузовик. Взрыв жажнул такой, что у сталкера заложило уши, а ударная волна раскаленным кулаком придала ему дополнительный импульс ускорения, отбросивший его к дальнему краю автомобильной баррикады. Бить по нему было некому – все Новые, похоже, находились там, где Шатун, по идее, должен был прорываться, а теперь соответственно отправились в ад. Сталкер вскочил, подобрал пистолет и, не обращая внимания на боль в рассаженных при падении локтях и коленях, рванул к микроавтобусу. Как только огонь доберется до заправки, перекресток превратится в гигантскую печь крематория.

Но Шатун ошибся, посчитав всех Новых на перекрестке покойниками. Уже обегая микроавтобус, он ощутил дикий холод и боль в груди. Мгновенно замерзшие пальцы не смогли

удержать пистолет, и тот упал на землю. Фризер! Что ж так не везет-то?! До сих пор Шатуну не доводилось встречаться с этими Измененными, способными заморозить даже горящий костер, так как они были довольно немногочисленны. Но тут, что называется, повезло как утопленнику. Это была женщина. Весьма привлекательная платиновая блондинка лет тридцати пяти. Она приближалась из-за спины Шатуна, со стороны дороги – видимо, сидела где-то в засаде. И увидел ее сталкер только сейчас, когда развернулся. Попытался выудить пистолет со станковыми дробинками, но негнувшиеся от дикого холода пальцы его не слушались. Дышать было трудно – ледяной воздух застыл в горле. Боль в груди нарастала. Ноги подкосились, и он упал, скатившись вниз с небольшого откоса, который здесь представляла собой обочина.

Фризер надвигалась медленно, словно воплощенная смерть, не сомневаясь, что никуда человек от нее не денется. А ведь и верно – не денется. Теперь уже все, приехали. Шатун замерз так, что вот-вот умрет, если у нее, конечно, нет приказа доставить его живым к этому Сиду. Хотя сталкер предпочел бы умереть, но даже и в этом он уже не был властен. Совершенно беспомощный, практически полутруп, Шатун мог только смотреть на нее.

И тут взорвалась заправка. Весь перекресток мигом превратился в пылающую преисподнюю. Волна пламени прокатилась по нему, охватывая все автомобили. Фризер вздрогнула и оглянулась, но было уже поздно: гигантский огненный вихрь смел эту ледяную королеву, даже не заметив. Шатун уцелел чудом, потому что лежал существенно ниже уровня дороги и был частично прикрыт микроавтобусом, в котором, к счастью, отсутствовал бензин.

Ледяная хватка отпустила его сердце, а сковавший все тело холод стал отступать, теснимый волной жара. Кстати, если б не он, не миновать бы сталкеру сильных ожогов: морозное облако вокруг него сработало как компенсатор.

Больше всего на свете Шатуну хотелось сейчас потерять сознание. Но он не мог себе этого позволить. Если он даже не сгорит на этом злосчастном перекрестке, скоро сюда явятся боевые бригады Сиды, которыми его страшил читающий, и вот тогда точно все.

Сталкер с трудом поднялся. Болело буквально все. И выглядел он страшнее ядерной войны: закопченный, побитый, исцарапанный, с безумными глазами. Так ему далеко не уйти – первый же Измененный, который его увидит, сразу проведет параллели со взрывом на перекрестке. Но это не первоочередная проблема. Сейчас в его голове оглушительно пульсировала одна-единственная мысль – бежать отсюда как можно скорее! И Шатун из последних сил побежал.

Интерлюдия 2. Незнакомец в плаще

Питерская Зона

Город. Незнакомец чувствовал его весь. Не как географический объект, а как гигантский живой организм, тело какого-то великана. Только, к сожалению, больного. И все его болевые точки Незнакомец воспринимал как свои... Петропавловская крепость. Там холодно... И больно. Энергетический центр... Важный и мощный. Контролируется Пауком... Дворцовая площадь, Зимний дворец и весь эрмитажный комплекс... Тут все не так однозначно... Паук, конечно, контролирует территорию, но сами объекты недооценивает... А зря – пси-энергии людского восхищения там скапливается едва ли не больше, чем в храмах... Такие места беречь надо, но Пауку это невдомек: он слишком чужд человечеству... Не понимает... Михайловский дворец и комплекс Русского музея... Этот принадлежит Незнакомцу... Тепло, энергия... Много энергии... Незнакомец чувствует ее. Там он оказался раньше... И автономные котельные в обоих музеях продолжают работать только с его подачи, иначе холод и влажность уничтожат эти объекты... Но Незнакомец этого не допустит – он найдет им применение... Смольный собор... Холод... Владения Паука... Туда Незнакомцу пока добраться не удалось... Исаакиевский собор... Тут теплее... Мощь этого центра зашкаливает... Паук считает, что полностью его контролирует... Пусть так считает и дальше. В конце концов, он уверен, что и Незнакомец полностью под его контролем... Его заблуждения надо поддерживать... Пока...

Паутина... Огромная паутина, раскинутая по всему городу. Не настоящая, конечно, а энергетическая, информационная... Пока еще ее нити не такие частые, не такие мощные, но создатель Паутины набирает силу, и лишь вопрос времени, когда плотной сетью будет оплетен весь город и предместья... У нее несколько центров, и почти все они совпадают с мощными энергетическими объектами... К ним «подключается» Паук, когда хочет узнать, что творится в его владениях... Его Паутина – Измененные. Множество Измененных с особыми талантами – поисковики, читающие, псионики... Нити Паутины – энергетические связи между ними, установленные Пауком... Он еще никогда не действовал в таком масштабе, так что система пока работает несовершенно... И в этом шанс Незнакомца. Шанс вклиниться, создать собственную Паутину, собственный эгрегор. В общем-то он его уже создает, только Паук об этом не знает... И чем дольше он не будет знать, тем лучше... Но Паук быстро учится, и его сеть становится все более совершенной...

Радует, что Паук сейчас в Москве... У него там война... Противник сильный... Это хорошо – пусть этот противник стягивает на себя внимание Паука... А Незнакомец тем временем будет действовать здесь. Вести свою игру, тоже наращивать силы, учиться... Постепенно, постепенно... Незнакомцу нужно время. Нужно выиграть его любой ценой – удержать Паука подальше от Питера, как-то помочь его врагам... Главным образом – сувайвору. Вот на него можно и нужно сделать ставку в противостоянии с Пауком... Нельзя там пускать все на самотек. Кого-то нужно туда отправить... Выбор у Незнакомца невелик – контингент *его* Измененных пока существенно уступает числом армии Паука... Но речь ведь не идет о войне – только о скрытной помощи и поддержке противостоящих Пауку сил. Информация, точечные акции и ничего больше... Чтобы ниточка ни в коем случае не привела к нему, Незнакомцу... Тут достаточно одного-двух Измененных... Здесь, в Питере, такое количество погоды не сделает, а там сможет оказать на события существенное влияние... А еще через этих агентов сам Незнакомец будет получать информацию с территорий, подконтрольных людям... Пока этой информации категорически недостаточно.

Что там с другим направлением? Игра идет своим чередом – по плану... По тщательно продуманному сценарию... Автозаправка – взрыв – кладбище... Это уже было... Совсем недавно... Незнакомец помнит, правда, смутно, без подробностей... Человек-марионетка идет

своим путем к намеченной цели... Он думает, что это *его* путь и *его* цель... Пусть думает – так он проявит больше энтузиазма... И пока марионетка неплох, весьма неплох... Почти без помощи со стороны Незнакомца наделал немало шума и тем самым отвлек на себя внимание Паука... Чем больше подобных отвлекающих факторов, тем меньше шансов, что Паук раньше времени обнаружит деятельность Незнакомца, идущую вразрез с его, Паука, планами... Кстати, марионетку почти затравили, и взрыв на заправке оказался очень кстати... Представитель нарождающегося эгрегора Незнакомца вовремя подсутился, подстраховал... Путь марионетки не должен оборваться слишком быстро – он еще нужен Незнакомцу... Сейчас Паук может подумать, что возмутитель спокойствия мертв, и временно перестать подключаться к своей сети... Скоро он узнает, как сильно ошибся... Но время будет выиграно... Каждый час, каждый день сейчас очень ценны... На вес золота, как говорят отжившие... Хотя нет, люди... Лучше думать о них так – это будет правильнее... Самому Незнакомцу почти все равно, но со стратегической точки зрения...

Он лучше знает человечество, чем Паук, лучше его чувствует... на данный момент. И в этом преимущество Незнакомца, которое следует сохранить... Зная противника, имеешь больше шансов на победу... Пауку плевать... Да, он могуч, в чем-то очень искушен и коварен, но в чем-то – слишком прямолинеен... Он не уважает врага... Не видит его сильных сторон, воспринимает лишь как ядовитую плесень, которую надо стереть с лица планеты... Неправильный подход, ошибочный... Из-за него Паук рискует проиграть, несмотря на всю свою мощь... Несмотря на то что с каждой закрытой Зоной, с каждым законсервированным Источником его возможности растут...

Теперь он уже не просто Измененный третьей ступени класса «паук»... Не просто лидер НМП... Паук, Сид, Анатолий Сергеевич Мальцев... У него много имен... Он аккумулирует в себе мощь заблокированных частиц Сеятелей... Единственное, чего он пока не может сам, – это создавать трансформированные территории (Зоны) по собственному почину... Так могла Кочевница, но она уничтожена, а с ней и эта возможность оказалась безвозвратно утраченной... Аномалия была слишком самостоятельна и слишком многое замкнула на себя, не делясь с Источниками своим развитием... Она не верила в возможность собственной гибели... И просчиталась... То же самое сейчас делает и Паук... Да, его чрезвычайно трудно уничтожить, и с каждым днем эта задача становится все более тяжелой, но она по-прежнему остается выполнимой... Паук по-прежнему зависит от частиц Сеятелей...

Не клади все яйца в одну корзину. Это поговорка отжив... людей... Паук слишком презирует человечество, чтобы учитывать его опыт... А ведь он копился тысячелетиями... Паук считает, что сам сможет сразу и все сделать правильно... Накопленная мощь кружит ему голову, хотя он в этом никогда не признается... Даже себе... Самоуверенность, которая постепенно становится непоколебимой верой в собственную непогрешимость... И это может стать началом конца Паука, если Незнакомец правильно разыграет свою комбинацию... Конец Паука, но не их дела... Незнакомец знает, как станет действовать... У него есть Источник, здесь, рядом... И есть план... Хороший план, хотя и рискованный... И он уже воплощается...

Глава 8. Калашников

Нижний Новгород

Подполковник Калашников утомленно потер виски, достал из кармана пластинку цитрона, выдавил таблетку, немного подумал, добавил вторую и выпил... Поморщился. Помогало все хуже и хуже. Похоже, скоро придется перейти на более сильные средства. Не хотелось бы – он и так держится только на таблетках и кофе. Огромном количестве кофе. Впрочем, спал он плохо совсем не из-за кофе, и длилось это уже три месяца.

Дело в том, что Глеб Александрович Калашников не привык терять лучших, да еще в таком количестве. Потылин с командой, потом Строганова, и все за нескольких недель. Явный перебор. Это больше, чем за всю его предыдущую карьеру в спецслужбах. Это позор для него как руководителя, и удар по нему лично как по человеку. Валера Потылин, Настя Строганова. Они были для него больше, чем подчиненными. Было в его чувствах к ним что-то отцовское. Но служебная этика и субординация требовали совсем другого стиля отношений, из-за чего Калашников порой с этими двумя держался даже строже, чем с остальными, из-за чего сейчас, после их гибели, стало только больнее. А еще Игорь Кинько. Один из лучших научных управленцев и человек прекрасный. Сын Сергея Кинько, с которым Калашников дружил со школы... Слишком много потерь и практически подряд...

Так стоило ли теперь удивляться, что Глеб Александрович дни и ночи просиживал на работе, пытаясь докопаться до истины? Кто-то должен был заплатить за эти смерти. И не просто кто-то, а виновный. Кочевница, которую можно было с достаточной степенью уверенности считать виновницей гибели команды Потылина, уничтожена. Но о том, как там все произошло, по-прежнему известно очень мало. Строганова до чего-то докопалась, но бесследно исчезла. Даже тела ее не нашли. Если она была в Коврове в момент бомбардировки, в этом нет ничего удивительного – от города камня на камне не осталось. Но не верил Калашников, что все так просто. Не тот человек Настя, чтобы глупо попасть под бомбы! Помимо всего прочего он лично отправил ей тогда предупреждение... В то, что она одна, без страховки, просто так полезла в Зону и там погибла, не верилось тоже. Строганова была следователем-профессионалом высокого класса. Лезть на передовую под пули, когти мутантов и тому подобное в ее функции не входило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.